Жорж Бернанос

Диалоги Кармелиток

Библиотека Предание.Ру

Диалоги кармелиток
Жорж Бернанос

Аннотация

Аннотация

Жорж Бернанос
Диалоги кармелиток.

Перевод ЮЛИИ ГИНЗБУРГ

«Диалоги кармелиток» (1948) были написаны замечательным французским католическим писателем Жоржем Бернаносом (1888—1948) за несколько месяцев до смерти. Единственная пьеса романиста стала не только хронологически последним его сочинением, но и духовным завещанием, вобравшим в себя итоги многих размышлений, длившихся всю его жизнь. Между тем начинался этот труд как рядовая заказная работа профессионального литератора. В 1947 году священник отец Брюкберже сделал сценарий фильма по новелле немецкой писательницы Гертруды фон Лефорт «Последняя на эшафоте» и обратился к Бернаносу с просьбой написать диалоги для будущего фильма; литературный первоисточник был Бернаносу давно и хорошо знаком, и он принял предложение.

Сюжетом для новеллы Гертруды фон Ле-

форт, написанной в 1931 году, послужило подлинное историческое событие. 17 июля 1794 года за десять дней до конца якобинского террора шестнадцать монахинь кармелитского монастыря в Компьене были приговорены к смерти революционным трибуналом и в тот же день гильотинированы на одной из площадей Парижа. Одна из них, сестра Мария от Воплощения Сына Божия, случайно избежала ареста и оставила рассказ о судьбе своих подруг. В 1906 году папа Пий X причислил шестнадцать монахинь к лику блаженных.

Создатели фильма, ознакомившись с написанными Бернаносом диалогами, сочли, что для кино они не годятся. Только год спустя Альбер Беген, исследователь творчества Бернаноса, его друг и восторженный почитатель, обнаружил эту рукопись. Он дал ей название, разделил на пять картин и написал несколько связующих ремарок, пересказывающих содержание тех сцен, в которых диалогов не предполагалось. В таком виде «Диалоги кармелиток» были опубликованы, и вскоре их стали с большим успехом ставить театры во Франции и за ее рубежами. Сценический успех сопутствует пьесе и по сей день.

Видите ли, в каком-то смысле Страх — это тоже дитя Господне, искупленное в ночь Страстной Пятницы. Он не хорош собой, нет! Его то осмеивают, то проклинают, все от него отрекаются... И всё же — не надо обманывать себя: он стоит у изголовья каждой агонии, он предстательствует за человека.
«Радость» [1]

От переводчика

«Диалоги кармелиток» (1948) были написаны замечательным французским католическим писателем Жоржем Бернаносом (1888—1948) за несколько месяцев до смерти. Единственная пьеса романиста стала не только хронологически последним его сочинением, но и духовным завещанием, вобравшим в себя итоги многих размышлений, длившихся всю его жизнь. Между тем начинался этот труд как рядовая заказная работа профессионального литератора. В 1947 году священник отец Брюкберже сделал сценарий фильма по новелле немецкой писательницы Гертруды фон Лефорт «Последняя на эшафоте» и обратился к Бернаносу с просьбой написать диалоги для будущего фильма; литературный первоисточник был Бернаносу давно и хорошо

знаком, и он принял предложение.

Сюжетом для новеллы Гертруды фон Лефорт, написанной в 1931 году, послужило подлинное историческое событие. 17 июля 1794 года за десять дней до конца якобинского террора шестнадцать монахинь кармелитского монастыря в Компьене были приговорены к смерти революционным трибуналом и в тот же день гильотинированы на одной из площадей Парижа. Одна из них, сестра Мария от Воплощения Сына Божия, случайно избежала ареста и оставила рассказ о судьбе своих подруг. В 1906 году папа Пий X причислил шестнадцать монахинь к лику блаженных.

Создатели фильма, ознакомившись с написанными Бернаносом диалогами, сочли, что для кино они не годятся. Только год спустя Альбер Беген, исследователь творчества Бернаноса, его друг и восторженный почитатель, обнаружил эту рукопись. Он дал ей название, разделил на пять картин и написал несколько связующих ремарок, пересказывающих содержание тех сцен, в которых диалогов не предполагалось. В таком виде «Диалоги кармелиток» были опубликованы, и вскоре их стали с большим успехом ставить театры во Франции и за ее рубежами. Сценический успех сопутствует пьесе и по сей день.

Кристине Манифика[1][2]

Действующие лица

Маркиз де Лафорс.

Маркиза де Лафорс.

Шевалье, их сын.

Бланш, их дочь (сестра Бланш от Смертной Муки Христовой[3]).

Госпожа де Круасси (мать Генриетта от Иисуса), настоятельница кармелитского монастыря.

Госпожа Лидуан (мать Мария от Святого Августина), новая настоятельница.

Мать Мария от Воплощения Сына Б о ж и я, помощница настоятельницы.

Мать Жанна от Младенца Иису- с а, старшая из монахинь.

Мать Жераль, Сестра Клара - пожилые монахини

Сестра Антония, привратница.

---

[1] Примечания: 1

Кристина Манифика - близкая приятельница Бернаноса в последние двадцать лет его жизни (Здесь и длее - прим. перев.)

[2] Примечания: 2

«Радость» (1929) — роман Бернаноса.

[3] Примечания: 3

В некоторых католических орденах существует обычай при пострижении прибавлять к своему монашескому имени какое-нибудь богословское понятие либо имя святого, как бы выбирая себе тем самым особое покровительство и предмет особого поклонения.

Сестра Екатерина.

Сестра Фелисите.

пожилые монахини.

Сестра Гертруда.

Сестра Алиса.

Сестра Валентина от Креста.

Сестра Матильда.

Сестра Анна.

СестраМарта.

Сестра Се н-Ш арль, Сестра Констанция от Святого Дионисия - совсем юные сестры

Капеллан монастыря.

Господин Жавлино, врач.

Маркиз де Гиш.

Г о и т р а н.

Э л о и з а.

Роза Дюкор, актриса. Монастырский нотариус. Т ь е р р и, лакей. А н т у а н, кучер.

Члены муниципалитета, комиссары, гражданские чиновники.

Заключенные, стражники, простолюдины и простолюдинки

ПРОЛОГ

Сцена I

1774 год. Площадь Людовика XV в Париже. Вечер праздника, устроенного в честь бракосочетания

дофина, будущего Людовика XVI, с эрцгерцогиней Марией Антуанеттой. Сквозь веселящуюся толпу, сдерживаемую стражами порядка, пробираются кареты аристократов. В одной из карет можно разглядеть молодую чету. Это маркиз де Лафорс и его жена; она беременна. Маркиз выходит из кареты и направляется к трибунам.

Начинается фейерверк. Внезапно ящики с ракетами загораются, и один за другим следуют взрывы. Хотя никакой серьезной опасности нет, толпа впадает в панику. Давка, испуганные крики, люди падают на землю, их топчут. Юная маркиза в страхе защелкивает задвижку на дверце кареты. Кучер стегает лошадей, которые, закусив удила, срываются с места, не разбирая дороги. Вспышка ярости в толпе, лошадей останавливают, одно из стекол разбивается вдребезги. Мужской голос кричит: «Скоро все изменится, ваш брат попадет на бойню, а мы будем разъезжать в ваших каретах!» Солдаты подоспевают вовремя, чтобы спасти маркизу, которой грозит расправа.

Сцена II

Несколько часов спустя. Из спальни маркизы в особняке Лафорсов выходит врач. Он объявляет маркизу, что у того родилась дочь, но что молодая мать умерла.

Первая картина

Сцена I

Особняк Лафорсов. Апрель 1789 года. Маркиз и шевалье. Этот последний, очевидно, не ожидал увидеть здесь отца, но не может сдержать вопроса, рвущегося у него с языка.

Шевалье. Где Бланш?

Маркиз. Ей-богу, не знаю; какого дьявола вы не спросите об этом у ее служанок, вместо того чтобы врываться ко мне без стука, как дикарь?

Шевалье. Приношу тысячу извинений.

Маркиз. В вашем возрасте не беда быть чуточку сумасбродом. А в моем естественно держаться своих привычек. Визит вашего дядюшки лишил меня послеобеденного отдыха, и я сейчас немного задремал, по правде сказать. Но зачем вам нужна Бланш?

Шевалье. От нас только что ушел Роже де Дамас. Ему дважды пришлось сворачивать с дороги из-за огромной толпы. Говорят, они собираются сжечь на Гревской площади чучело Ревейона.[4]

Маркиз. И пусть себе сжигают! Когда вино продают по два су, следует ожидать, что весна

---

[4] Примечания: 4

Богатые фабрикант обоев, жестоко притеснявший сових рабочих. 27 апреля 1789 года толпа сожгла чучело Ревейона, а на следующую ночь разгромила его фабрику и магазины.

немного вскружит головы людям. Это все пройдет.

Шевалье. Если бы я смел позволить себе в вашем присутствии дурную шутку, я бы ответил, что в случае с каретой моей сестры вы рискуете оказаться неважным пророком. Дамас видел, как толпа остановила ее на углу улицы Бюси.

Маркиз де Лафорс, который держал в руках открытую табакерку, внезапно захлопывает ее, ничего из нее не взяв. Шевалье делает шаг к отцу, но тот мягко отстраняет его рукой.

Маркиз. Карета... толпа... Простите меня, эти видения слишком часто преследовали меня по ночам... Сейчас много говорят о бунте или даже о революции. Но кто не видел охваченной паникой толпы, тот ничего не видел... Проклятье! Все эти лица с перекошенными ртами, эти сотни и тысячи глаз... Помилуй Боже! Площадь из конца в конец вдруг закипает, трости и шляпы взлетают вверх на невероятную Высоту, как будто их подбросил в воздух громовой крик. Кое-кто из свидетелей потом уверял меня, что не видел этих тростей и шляп, но я-то их видел, тысяча чертей!

Шевалье. Простите меня, отец, я должен был догадаться... Я опять сказал сгоряча.

Маркиз снова берет в руки табакерку, в задум-

чивости барабанит пальцами по крышке.

Маркиз. Пустяки, это я слишком горячусь, хоть моя голова и седа. Но хотел бы я знать, что общего между тем, что я видел тогда, и какими-то мелкими весенними беспорядками, кучкой пьяниц на парижских улицах? Карета у меня крепкая, старых лошадей ничем не испугать, Антуан нам служит уже двадцать лет, а два наших лакея — бывшие солдаты Наваррско- го полка. С вашей сестрой не может случиться ничего дурного.

Шевалье. О, вы же знаете, я боюсь не за ее безопасность, а за ее больное воображение.

Маркиз. Бланш просто слишком впечатлительна, правда. Доброе замужество все поправит. Полно! Хорошенькая девушка имеет право быть чуть-чуть трусихой. Немного терпения. Племянники у вас будут сорванцы.

Шевалье. Поверьте, здоровью Бланш, может быть, даже ее жизни угрожает не просто страх. Это страх, поразивший самую глубь души, как в дереве промерзает сердцевина... Да, поверьте, отец, в характере Бланш есть что-то, недоступное обычному разумению. Быть может, в менее просвещенном веке, чем наш...

Маркиз. Ба! Вы говорите, как суеверный простолюдин. Привязанность, которую вы неизменно

испытываете к сестре, немного сбивает вас с толку. Мне Бланш почти всегда кажется спокойной, а порой даже веселой.

Шевалье. Да, конечно, бывает, что я и сам обманываюсь, глядя на нее. Я бы поверил, что судьбу удалось умилостивить, если бы не замечал постоянно печать несчастья в ее взгляде. То, что голос может скрыть, взгляд выдает. Страх выходит наружу не в голосе, а во взгляде, это мне довелось понять на королевской службе, хотя я в ней еще новичок... Но зачем говорить вам о том, в чем вас умудрили другие войны, посерьезнее, и задолго до моего рождения!

Маркиз сделал было протестующий жест, потом медленно отвечает с видом человека, перебирающего свои воспоминания.

Маркиз. Бог мой, это верно, мы знали о таких вещах, это нам бывало полезно при случае. Но мне странно слышать об этом из ваших уст. Мы-то о них не рассуждали, вот в чем разница между нашим поколением и вашим. Как мне могло прийти в голову судить о вашей сестре по своему опыту с капралами и сержантами Пикардийского полка? Вы не боитесь, что если вот так рассуждать обо всем, как вы, нынешние, то перестанешь понимать что бы то ни было?

Когда Бланш с гувернанткой придут сюда через минуту, вы посмеетесь над вашими страхами, а она забудет о своих.

Шевалье. Вы хотите сказать, что она снова отделается испугом... Отделается испугом! Когда речь идет о Бланш, соседство этих двух слов кидает в дрожь... Такая благородная и такая гордая девушка! Болезнь засела в ней, как червь в яблоке... Ах, отец, такие речи, конечно, покажутся вам невнятицей или заумью, особенно в моих устах... Но соблаговолите извлечь из них толы?о самое необходимое, чтобы решиться отослать сестру в Миромениль или даже в Лимёйль, подышать весенним воздухом и попить молока от наших коров.

Маркиз. Ну да, поиграть в крестьянку, как сейчас модно. К несчастью, замуж так девушку не выдать. Я был бы дураком, если бы отослал свою дочь как раз сейчас, когда могу порадоваться знакам внимания со стороны вашего друга. Молодой Дамас, конечно, это не то, что в былые времена назвали бы блестящей партией, но я охотно сделал бы его своим зятем. Что поделаешь? По мне, теперешние молодые люди слишком мудреные. А этот — настоящий француз, в нем даже совмещаются три столетия. От одного в нем рыцарство,

от другого — изящество, а от нынешнего — веселость. Да, поистине он и есть тот, кого я называю добрым французом, добрым малым, славным малым. Настоящий сеньор во вкусе французского двора — вот кто такой Роже де Дамас. Черт побери! Вы и сами о нем так думаете.

Шевалье. Он мой лучший друг, этим все сказано... Но не стройте себе иллюзий. В нынешнем своем дурном состоянии моя сестра ни за что не выйдет замуж за человека, который слывет повсюду самым отчаянным сорвиголовой. Она будет бояться, не придется ли ей краснеть перед ним.

Маркиз. Ребячество!

Шевалье. Не тешьте себя этим. Не знаю, способны ли странности ее натуры толкнуть Бланш на какой-нибудь предосудительный поступок — предосудительный по тем понятиям, которые она себе составила об обязанностях знатной девицы. Но я знаю, что она этого не переживет.

Сцена II

Дверь открывается, и на пороге появляется Бланш— достаточно неожиданно, чтобы можно было засомневаться, не слышала ли она последних слов. Шевалье не может удержать удивленного жеста, но старый маркиз лучше

владеет своими нервами и говорит совершенно естественным тоном.

Маркиз. Бланш, вашему брату не терпелось снова вас увидеть.

Черты Бланш искажены волнением, но у нее, очевидно, было время прийти в себя, и она

пытается говорить веселым голосом.

Бланш. Шевалье слишком добр к своему зайчонку...

Шевалье. Не повторяйте по каждому поводу шутку, которая имеет смысл только для нас двоих.

Бланш. Зайчики обычно не покидают нерку на целый день. Правда, л я свою норку везла с собой. Но поверьте, простое сгекло между этой толпой и моей пугливой особой на какой-то миг показалось мне совсем ненадежной защитой. Наверно, у меня был очень смешной вид

Маркиз делает сыну знак молчать.

Маркиз. Довольно! Мы поговорим о ваших приключениях за ужином, когда вы немного отдохнете. Лучше позабыть на минуту о том . что вы видели. А чернь не надо судить по виду... Парижане - народ добрый, здесь все кончается песенками.

Шевалье. Господин де Дамас видел вас на углу

улицы Бюси, и он рассказывал мне сейчас» что сквозь окошко вы выглядели очень достойно...

Она краснеет от удовольствия и, чтобы скрыть замешательство, говорит все более возбужденно, отчего мало-помалу возникает ощущение неловкости. Маркиз переглядывается с сыном.

Бланш. О, господин де Дамас, конечно, видел го, что хотел увидеть... Я и вправду выглядела достойно? О Боже, опасность — это, наверно, как холодная вода; от нее сначала перехватывает дыхание, а когда погрузишься по шею, становится приятно. Но какой же у нас, девушек, может быть случай проверить себя? Чтобы оценивать, надо сначала знать, что чего стоит... Боже мой, когда я выходила из кареты, предстаньте себе, госпожа Жанен не верила своим глазам, я чувствовала себя такой легкой... Эта вечная тяжесть у меня на сердце... *(Прижимает руку к груди, озирается вокруг и смолкает.)* Что это я говорю? Я просто глупышка, простите меня... *(Прежде чем ее брат успевает что-то сказать, она продолжает, но уже с деланной веселостью.)* Церемония у сестер визитандинок [5] была долгая, и я очень устала.

---

[5] Примечания: 5

Монахини женского религиозного ордена, основанного в 1610 г. Название связано с библейским эпизодом Посещения (visitation — *по-французски)* — Девой Марией Елиеаветы, матери Иоанна Предтечи.

Конечно, поэтому я и болтаю вздор. Если позволите, отец, я последую вашему совету и немного отдохну перед ужином. Смотрите! Как сегодня быстро темнеет...

Маркиз. Я бы сказал, что надвигается гроза, если бы время года не было для грозы слишком раннее. Пока вы говорили, небо внезапно затянулось.

Она идет к лестнице, брат ее провожает.

Шевалье. Раз вы уходите к себе в комнату, велите і отчас принести свс и не оставайтесь там одна. Я знаю, сумерки всегда наводят на вас тоску. Вы мне говорили, когда были совсем маленькая: «Я умираю каждую ночь и воскресаю каждое утро».

Бланш. Потому что есть только одно утро, шевалье: утро Пасхи. Но каждую ночь для нас настает ночь Пресвятой Смертной Муки... *(Уходит.)*

Сцена III

Маркиз. Воображение бросает ее из одной крайности в другую. Что за черт! Как понимать эти ее последние слова?

Шевалье. Не знаю, да это и не важно! Ее взгляд, ее голос — вот что переворачивает душу. Лошадей уже распрягли, пойду расспрошу старину Антуана.

Уходит. Сквозь приоткрытую дверь доносится крик ужаса. Маркиз на мгновение в нереши-

тельности, куда идти, затем направляется к лестнице. Слышны шаги по ступенькам. Маркиз как будто узнает кого-то в темноте и кричит.

Маркиз. Это ты, Тьерри?

Шаги приближаются, и входит молодой лакей. Он очень бледен.

Маркиз. Что случилось, мой мальчик?

Лакей. Я зажигал свечи, и тут мадемуазель Бланш вошла в комнату... Наверно, она сначала увидела мою тень на стене. Я задернул занавески.

Сцена IV

Комната Бланш. Увидев входящего отца, Бланш идет ему навстречу. Ее голос, движения, черты лица выражают решимость и какую-то смиренную безнадежность.

Маркиз. Поднявшись к вам, вместо того чтобы позвать вашу гувернантку, я поддался первому порыву. Простите мою неловкость. Я вижу, что ничего серьезного, к счастью, не произошло.

Бланш. О, вы самый снисходительный и учтивый отец на свете...

Маркиз. Господин Руссо желает, чтобы мы были друзьями своих детей, чего нельзя сказать о нем

самом[6]. Но по здравом размышлении, боюсь, как бы мы с этой дружбой в один прекрасный день не пожалели о снисходительности и учтивости. Ведь дружба на руку скорее нам. Другом быть легче, чем отцом... Но не будем больше говорить об этом пустячном случае.

Бланш. Нет такого ничтожного случая, отец, чтобы в нем не отразилась воля Божия, как вся безмерность неба отражается в капле воды. Да, это Господь привел вас сюда, чтобы выслушать то, что мне столько раз не хватало мужества вам сказать. Если вы позволите, я решила постричься в кармелитки.

Маркиз. В кармелитки!

Бланш. Я думаю, такое признание удивляс* вас меньше, чем вы хотите показать.

Маркиз. Увы! Со столь добродетельной юной особой, как моя дочь, всегда нужно опасаться голоса неумеренного благочестия. Вы знаете, из-за злосчастных обстоятельств вашего рождения я питаю к вам привязанность особенно нежную и не хотел бы вас неволить ни в чем. Мы поговорим обо всем этом на досуге, а пока подумайте о том, что вы, без сомнения, переоценили, — не свое

---

[6] Примечания: 6

Жан-Жак Руссо признавался в соей "Исповеди", что отдавал собсвенных детей в приют.

мужество, нет, но cbgh силы и здоровье.

Бланш. Мое мужество...

Маркиз. Девушка не такая гордая, как вы, не стала бы терзать себя из-за того, что вскрикнула разок.

Бланш. Мое мужество... *(Внезапно решается говорить; пытаясь убедить отца, она словно поддается понемногу надежде убедить саму себя.)* Боже, да, я действительно думаю — во мне немало такого, за что вам не придется краснеть. Зачем бы Господу наделять меня только презренными свойствами, создавая меня такой, какая я есть? Слабость моей натуры ^— не просто унижение, Им ниспосланное, но и знак Его воли, запечатленный на Его смиренной служанке, Я вовсе не должна стыдиться этого, скорее уж меня может искушать гордость таким предназначением. О, конечно, я знаю, что в вашем присутствии не следует хвалиться кровью предков и величием нашего рода. Пусть! Каким чудом я могла бы уродиться вовсе недостойной стольких замечательных людей, знаменитых как раз своей отвагой? Есть разная храбрость — таг я теперь думаю. Одна, разумеется, в том, чтобы не дрогнуть перед дулом мушкета. А другая в том, чтобы пожертвовать всеми преимуществами завидного

положения и уйти жить среди тех, подчиняться тем, чье происхождение и воспитание много ниже твоего.

Она умолкает, немного смущенная. Старый маркиз слушает ее молча, опустив голову. Потом произносит с усилием, словно исполняя свой долг.

Маркиз. Дочь моя, в вашем решении больше гордыни, чем вы думаете. Правда, святошей меня не назовешь, но я всегда думал, что люди нашего звания должны вести себя с Богом честно. Мирскую жизнь не покидают с досады, как новобранец, который дает себя убить в первом же жарком деле из страха струсить и тем без всякой пользы лишает своей службы короля и отечество.

Она явно пошатнулась от удара, но не сдалась.

Бланш. Я не презираю мир, и едва ли будет правдой сказать, что я его боюсь. Просто для меня мир — как стихия, в которой я не могу жить. Да, отец, я самим существом своим не выношу шума и оживления, меня отвращает и самое изысканное общество, многолюдные улицы меня оглушают, и, просыпаясь ночью, я невольно вслушиваюсь, как шумит там, за нашими тяжелыми шторами, за пологом моей постели этот огромный неутоми-

мый город, который утихает только к рассвету. Избавьте меня от этого непосильного испытания, и вы увидите, на что я способна. Неужели вы осудите молодого офицера, отказывающегося от службы в королевском флоте, если он не переносит моря?

Маркиз. Дорогое мое дитя, только вашей совести решать, по силам вам такое испытание или нет...

Бланш. О, сжальтесь, отец, оставим этот спор. Сжальтесь, позвольте мне верить, что существует лекарство от этой ужасной слабости, несчастья моей жизни! Увы! Господин де Дамас, должно быть, совсем слеп, когда речь идет обо мне. Ведь он счел, что я вела себя достойно сегодня. Господи! Я едва сидела на подушках, я вся заледенела и не отогрелась до сих пор, потрогайте мои руки... Ах, отец! Если бы я не надеялась, что у Неба есть какой-то промысл обо мне, я умерла бы со стыда тут у ваших ног. Быть может, вы правы, я не прошла испытание до конца. Но Господь не посетует на меня за это. Я все приношу ему в жертву, я все покидаю, ото всего отрекаюсь — только пусть он вернет мне честь.

Вторая картина

Сцена I

Несколько недель спустя. Приемная монастыря кармелиток в Компьене. Настоятель- ница-иБланш разговаривают через двойную решетку, задернутую черной тканью. Настоятельница, госпожа де Круасси,— старая и явно больная женщина. Она неловко пытается пододвинуть свое кресло поближе к решетке. Ей это удается с трудом. Она немного задыхается

и говорит улыбаясь.

Настоятельница. Не подумайте, что это кресло— привилегия моего сана, как табурет у герцогинь. Увы! Я хотела бы чувствовать себя в нем удобно из любви к моим дорогим дочерям — они так обо мне заботятся. Но возвращаться к старым привычкам, слишком давно утраченным, непросто. Мне теперь ясно — то, что должно бы доставлять удовольствие, для меня всегда будет только унизительной необходимостью.

Бланш. Как это, наверно, радостно — сознавать, что ты так далеко продвинулась по пути отрешения от мира, что уже не можешь вернуться назад.

Настоятельница. Бедное мое дитя, привычка в конце концов позволяет отрешиться ото всего. Но какой прок монахине отрешаться ото всего,

если она не отрешится от самой себя, то есть от собственного отрешения?

Молчание.

Я вижу, суровость нашего устава вас не пугает?

Бланш. Она меня притягивает.

Настоятельница. Да, да, у вас высокая душа.

Молчание.

Запомните все же, что самые простые с виду обязанности на деле зачастую оказываются самыми тяжелыми. Можно одолеть гору и споткнуться о камешек.

Бланш (горячо). Ах, матушка, кроме этих маленьких жертв, есть другие страшные вещи...

Настоятельница. Ну, ну, что же это за страхи?

Бланш (все менее уверенным голосом). Преподобная мать моя, я, наверно, не сумею... Мне трудно... вот так... сразу... Но если позволите, я подумаю и отвечу вам после...

Настоятельница. Как пожелаете... А могли бы вы ответить мне теперь же, если я спрошу, в чем вы полагаете первую обязанность кармелитки?

Бланш. Побеждать естество.

Настоятельница. Прекрасно. Побеждать, а не насиловать — разница очень важная. Тому, кто стремится насиловать естество, удается только утратить естественность. А Господь ждет от своих

дочерей, чтобы они не разыгрывали всякий день комедию перед Ним, но служили Ему. Хорошая служанка всегда там, где она должна быть и где ее присутствие не бросается в глаза.

Бланш. Я мечтаю проскользнуть незамеченной...

Настоятельница (улыбаясь, с легкой иронией). Увы! Это дается лишь долгими усилиями, и слишком жаркое желание тут не облегчает дела... Вы очень высокого происхождения, дочь моя, и мы не требуем от вас забыть о нем. Отказаться от преимуществ такого происхождения не значит сложить с себя все обязанности, им налагаемые, и эти обязанности покажутся вам здесь труднее чем где бы то ни было.

Протестующее движение Бланш.

О, разумеется, вы горите желанием занять последнее место. Опасайтесь этого тоже, дитя мое... Стремясь спуститься как можно ниже, рискуешь перейти меру. А крайность в унижении, как и во всем прочем, порождает гордыню. И такая гордыня в тысячу раз изощреннее и коварней мирской, которая по большей части есть лишь пустое тщеславие...

Молчание.

Что вас толкает в наш орден?

Бланш. Ваше Преподобие велит мне говорить со всей откровенностью?

Настоятельница. Да.

Бланш. Хорошо. Меня манит подвижническая жизнь.

Настоятельница. Подвижническая жизнь — или некий образ жизни, который, как вам кажется (и напрасно), облегчает путь к подвигу, так сказать, подгоняет подвиг вам по росту?

Бланш. Простите меня, преподобная мать моя, я никогда не строила таких расчетов.

Настоятельница. Самые опасные из наших расчетов — те, которые мы называем иллюзиями...

Бланш. Наверно, у меня есть иллюзии. Но я только того и прошу, чтобы меня от них избавили.

Настоятельница (с нажимом на этих словах). Чтобы вас от них избавили... Вам придется заниматься этим самой, дочь моя. Здесь у каждой слишком много хлопот со своими собственными иллюзиями. Не обольщайтесь мыслью, что первейший долг монахинь — приходить на помощь друг другу, чтобы украситься в очах нашего небесного Господина, как те девушки, что обмениваются пудрой и румянами перед балом. Наше дело — молиться, как дело лампы — светить. Ни-

кому не придет в голову зажигать лампу для того, чтобы она светила другой лампе. «Каждый для себя» — такой закон в миру, и наш закон немного на него похож: «Каждый для Бога»! Бедняжка! Вы мечтали об этой обители, как пугливый ребенок, которого няньки уложили в постель, мечтает в своей темной спальне о тепле и свете гостиной. Вы ничего не знаете о том одиночестве, в котором обречена жить и умереть настоящая монахиня. Ведь есть какое-то число настоящих монахинь, хотя гораздо больше — посредственных и дурных. Да, да! Здесь, как и повсюду, зло остается злом, и от прокисших сливок, хотя они и сделаны из доброго молока, тошнит не меньше, чем от тухлого мяса... О, дитя мое! Нежности не в духе нашего ордена, но я стара и больна, конец мой очень близок, и я могу себе позволить нежность к вам... Вас ожидают суровые испытания, дочь моя...

Бланш. Это не страшно, если Бог даст мне силы.

Молчание.

Настоятельница. Он будет испытывать не вашу силу, но вашу слабость...

Молчание.

Мирские прегрешения хороши тем, что их зрелище отвращает такие души, как ваша. Но те,

что вы найдете здесь, вас обманут. Если все взвесить, дочь моя, то быть плохой монахиней — это, по-моему, плачевней, чем быть разбойником. Разбойник может раскаяться, и это будет для него как бы вторым рождением. Но плохой монахине рождения не предстоит, она уже родилась, родилась неудачно, и, если не случится чуда, она так и останется недоноском.

Бланш. О мать моя, я хочу видеть здесь только благое...

Настоятельница. Кто под видом милосердия закрывает глаза на грехи ближнего, тот зачастую всего лишь разбивает зеркало, чтобы не видеть в нем самого себя. По немощи нашей натуры мы распознаем собственные пороки сначала в других. Остерегайтесь поддаваться неразумной снисходительности, которая расслабляет сердце и затемняет рассудок.

Молчание.

Дочь моя, добрые люди недоумевают, для чего мы нуж-ш, и в конце концов их вполне можно понять. Мы думаем, наша аскеза дает им доказательства того, что можно обойтись без многих вещей, которые им кажутся необходимыми. Но для вящей убедительности примера они должны твердо знать, что эти вещи нам так же необхо-

димы, как им... Нет, дочь моя, наше заведение основано не для того, чтобы умерщвлять плоть и хранить добродетели, мы — дом молитвы, одна лишь молитва оправдывает наше существование, и кто не верит в молитву, может держать нас только за обманщиков или дармоедов. Если бы мы сказали это нечестивцам откровеннее, нас бы лучше понимали. Разве не вынуждены они признать, что вера в Бога присуща всем? И разве это не странное противоречие, что все люди верят в Бога, а молятся Ему так мало и так плохо? Они чтят Его только страхом. Если вера в Бога дана всем, разве не должно быть то же и с молитвой? Да, дочь моя, такова воля Божия; он не сделал молитву, в ущерб нашей свободе, потребностью столь же властной, как голод и жажда, но допустил, чтобы мы могли молиться один вместо другого. Так всякая молитва, пусть даже молитва бедного пастуха, стерегущего стадо, становится молитвой всего рода людского.

Краткое молчание.

То, что бедный пастух делает время от времени по движению сердца, мы должны делать день и ночь. Не потому, что мы уповаем молиться лучше, чем он, напротив. Простота души, тихая покорность величию Божию — у него это миг

вдохновения, благодать, подобно озарению свыше; а мы посвящаем всю жизнь тому, чтобы этого достичь — или обрести вновь, если уже испытали когда-то. Ведь это дар детства, и чаще всего он с детством и умирает... Когда выходишь из детства, нужно очень долго страдать, прежде чем в него вернешься, как на исходе ночи встречаешь новую зарю. Вернулась ли я в детство?

Бланш плачет.

Настоятельница. Вы плачете?

Бланш. Я плачу больше от радости, чем от боли. Слова ваши суровы, но я чувствую, что и более суровые слова не могли бы сломить порыв, влекущий меня к вам.

Настоятельница. Его следовало бы умерить, а не ломать. Поверьте, это дурной способ вступать в Кармель — кидаться в него очертя голову, подобно несчастному, за которым гонятся грабители.

Бланш. Правда, у меня нет иного прибежища.

Настоятельница. Наш орден не прибежище. Не орден хранит нас, дочь моя, а мы храним наш орден.

Долгое молчание.

Скажите мне еще: выбрали вы уже для себя, хотя это и не очень вероятно, монашеское имя — на случай, если мы вас допустим к испытанию?

Но вы, конечно, об этом еще не подумали?

Бланш. Подумала, мать моя. Я хотела бы зваться сестрой Бланш от Смертной Муки Христовой.

Настоятельница чуть заметно вздрагивает. Она как будто колеблется какое-то мгновение губы ее шевелятся; потом ее лицо вдруг обретает спокойное и твердое выражение человека, который принял решение.

Настоятельница. Ступайте с миром, дочь моя.

Сцена II

Какое-то время спустя, перед запертой дверью внутри монастыря кармелиток. Бланш молча ждет вместе с капелланом. Ее должны принять послушницей. Дверь открывается, позволяя увидеть, что Община собралась. Все монахини в черных покрывалах, ниспадающих с головы до пояса. Когда дверь снова запирается, они откидывают покрывала. Настоятельница и мать Мария от Воплощения Сына Б о ж и я, ее помощница, берут послушницу за руки и ведут ее в сопровождении поющих монахинь к подножию статуи, изображающей Царя Славы: Младенца Иисуса в царской мантии, со скипетром и в короне.

Сцена III

Центральный коридор на втором этаже монастыря. В этот слабо освещенный коридор выходят

все кельи. Звонит колокол - это знак гасить огни. Настоятельница закрывает

приоткрытую дверь из кельи Бланш.

Настоятельница. По уставу дверь должна быть закрыта, дитя

мое.

Бланш. Я... Я... Я думала... *(С призвуком наигранного оживления в голосе.) Я* просто ничего не видела в темноте, матушка. Настоятельница. А что вам нужно видеть для сна? Бланш. Мне... Мне... Мне не спится.

Настоятельница. Ночи в монастыре короткие. Хорошая монахиня, как хороший солдат, должна уметь засыпать когда надо. Те, кто молод и здоров, как вы, со временем приобретают такую привычку. Бланш. Простите меня, магушка... Настоятельница. Забудем эту детскую провинность.

Настоятельница уходит, закрыв дверь. Бланш медлит немного и наконец снова приоткрывает дверь. Настоятельница возвращается, замечает это, останавливается, потом идет дальше, не закрыв двери.

Сцена IV

В лазарете Мария от Воплощения и Врачу изголовья настоятельницы.

Врач. Боюсь, что больше мы ничего не можем сделать... Вы слишком многого требуете от нас, мать моя. Я же не Господь всемилостивый...

Настоятельница смотрит на него и тут же отводит глаза. Она говорит укоризненным тоном и с какой-то ребячливой оживленностью, в которой сквозит плохо скрываемый страх.

Настоятельница. Неужто? Вы уверены? А я думала... Вчера я поела супу не только без отвращения, но почти с удовольствием, разве не так, мать Мария?

Мать Мария. Ваше Преподобие говорит правду... Настоятельница. Откровенно говоря, я даже чувствую себя гораздо лучше, чем во время предыдущего приступа. Мне всегда становится хуже при наступлении жары, такая уж у меня особенность. Ваш предшественник, бедный покойный господин Ланнелонг, это хорошо знал. Вот разразится гроза, и вы увидите, мне сразу станет легче...

Врач переглядывается с матерью Марией от Воплощения.

Врач. Я только хотел сказать, что было бы неплохо не принимать

больше лекарств и предоставить природе поработать самой, не гнать мокроты... Quieta поп

movere[7].

Мать Мария. Да сохранит вас Бог для нас, мать моя!

Глаза настоятельницы неподвижно уставлены в пол, лицо ее мрачно. Наконец она произносит словно про себя.

Настоятельница. Предаю себя воле Его, на исцеление или на смерть.

Врач с матерью Марией уходят.

Сцена V

Коридор перед лазаретом.

Врач. Я сожалею, что подумал вслух в присутствии преподобной настоятельницы...

Мать Мария. Не сожалейте ни о чем. Если бы у вас было больше опыта с такими обителями, как наша, вы бы знали, что с полным спокойствием умирают монахини только двух разрядов: самые святые и самые негодные.

Врач. Но я полагал, что Вера...

Мать Мария. Укрепляет не Вера, а Любовь. И когда Супруг Сам приближается к нам, чтобы принести нас в жертву, как Авраам сына своего Исаака, надо быть либо самим совершенством, либо самой глупостью, чтобы не чувствовать

---

[7] Примечания: 7
Не нарушать спокойствия (лат.)

страха.

Врач. Простите меня... Я думал, что в доме мира...

Мать Мария. Наш дом — не дом мира, сударь. Это дом молитвы. Те, кто посвящен Богу, собираются вместе не для того, чтобы наслаждаться миром, они стараются вымолить его для других... У нас нет времени наслаждаться тем, что мы отдаем.

Сцена VI

Близ галереи, у того места в монастырской стене, куда вделан вертящийся круглый шкафчик для поступлений извне. Бланш и совсем юная сестра Констанция от Святого Дионисия забирают провизию и разные вещи, которые передает им монахиня, назначенная служить связной между монастырем и окружающим миром.

Сестра Констанция. Опять эти противные бобы!

Бланш. Говорят, что перекупщики придерживают муку и что в Париже не хватает хлеба...

Сестра Констанция. А вот и наш большой утюг, мы так по нему скучали! Смотрите, как хорошо у него починили ручку... Мы больше не услышим, как мать Жанна кричит, дуя себе на пальцы: «Нешто можно гладить таким утюгом!»

Нешто! Нешто! Я каждый раз прикусываю себе язык, чтобы не засмеяться, но мне так приятно! Это «нешто» напоминает мне деревню и наших добрых крестьян в Тийи... Ах, сестра Бланш, за полтора месяца до моего поступления сюда там праздновали свадьбу моего брата. Собрались все крестьяне, двадцать девушек преподнесли ему букет под звуки барабанов и скрипок, и гремели залпы из всех мушкетов. Была большая месса, и обед в замке, и танцы весь день. Я танцевала до упаду, пять контрдансов, поверите ли? Эти бедные люди все любили меня безумно, потому что я была веселая и прыгала с ними вместе...

Бланш. Вам не стыдно так говорить, когда наша преподобная матушка...

Сестра Констанция. Ах, сестра моя, чтобы спасти жизнь нашей матушки, я бы охотно отдала свою жалкую жизнь, да, да, поверьте, я бы ее отдала... Но в пятьдесят девять лет давно уже время умирать, разве не так?

Бланш. Вы никогда не боялись смерти?

Сестра Констанция. Наверно, нет... Да, может быть... Очень давно, когда я не знала, что это такое.

Бланш. А потом...

Сестра Констанция. Боже, сестра Бланш, жизнь

казалась мне такой интересной! Я себе говорила, что смерть, должно быть, так же интересна...

Бланш. А теперь?

Сестра Констанция. О! Теперь я уже не знаю, что думаю о смерти, но жизнь мне по-прежнему кажется интересной. Я стараюсь как можно лучше делать то, что мне велят, но мне это интересно... Что ж, надо ли осуждать меня за то, что мне весело служить Господу? Можно очень серьезно делать то, что тебя забавляет, дети нам это доказывают каждый день... Точно так же можно делать весело скучные вещи...

Бланш (резко). Вы не боитесь, что Богу надоест такое веселье и что настанет день, когда Он вам скажет, как святой Анджеле из Фолиньо: «Я возлюбил тебя не затем, чтобы ты смеялась»?

Сестра Констанция смотрит на нее с изумлением, ее детские черты искажены гримасой боли.

Наконец она произносит.

Сестра Констанция. Простите меня, сестра Бланш. Я не могу избавиться от мысли, что вы нарочно сделали мне больно.

Молчание.

Бланш. Что ж, вы не ошиблись... Это потому, что я вам позавидовала.

Сестра Констанция. Вы мне завидуете! О, вот

самые удивительные слова, какие я только слышала в жизни! Вы мне завидуете, а ведь меня надо бы высечь за то, что я так легкомысленно говорила о смерти нашей преподобной матушки... Смерть матери настоятельницы — это очень серьезная вещь... Мне не доводилось видеть, как умирают серьезные люди. Мой дядя, герцог де Лорж, умер в восемьдесят лет. Это все-таки была не настоящая смерть, это была красивая церемония, и все. Два моих старших брата погибли на войне, мой кузен де Люан — на оленьей охоте в нашем дампьерском лесу, а другой кузен, Жокур, по прозвищу Лунный Свет, утонул в Миссисипи во время американской войны... Все они умерли играючи, если можно так выразиться. У людей знатных всегда было так. То место, что мы занимаем в мире, нам дали не наши титулы и не изъеденные крысами пергаменты, а люди, для которых смерть была просто такой же игрой, как другие игры... О сестра Бланш, я так глупо говорила сегодня. Поэтому явите милость, помогите мне загладить мою вину. Давайте станем на колени и предложим наши две маленькие жизни в обмен на жизнь Ее Преподобия.

Бланш. Это ребячество...

Сестра Констанция. Вовсе нет, сестра Бланш, я

вправду думаю, что это озарение сердца.

Бланш. Вы смеетесь надо мной...

Сестра Констанция. Эта мысль пришла ко мне внезапно, я не думаю, чтобы в ней было что-то дурное. Я всегда хотела умереть молодой. Слишком большое несчастье — отдавать Господу жизнь, которой уже не дорожишь или дорожишь только по привычке, по жестокой привычке.

Бланш. Что мне до этой комедии?

Сестра Констанция. Я скажу... Так вот, как только я вас увидела в первый раз, то поняла, что молитва моя услышана.

Бланш (яростно). Молитва о чем?

Сестра Констанция. О том... Но как вы меня сейчас пугаете, сестра Бланш... Вы так странно на меня смотрите...

Бланш подходит к ней ближе.

Бланш. Поставьте этот глупый утюг и отвечайте, прошу вас.

Констанция послушно ставит утюг на стол, черты ее красивого личика мучительно сведены, но сохраняют тем не менее выражение детской безмятежности.

Сестра Констанция. Хорошо... Я поняла, что Господь по милости своей не даст мне состариться и что мы умрем вместе, в один день,— где и

как, этого я не знала и сейчас еще не знаю... Это то, что называют предчувствием, ничего больше ,. Вот теперь я вижу, вы так сердитесь на меня за то, что я придавала значение этой... этой...

Бланш. Этой безумной и глупой идее! Не стыдно вам думать, что за вашу жизнь можно купить чью бы то ни было?.. У вас бесовская гордыня... Вы... Вы... Я вам запрещаю...

Умолкает. Выражение боли и изумления мало-помалу уходит с лица Констанции, словно она начинает понимать, впрочем, не зная точно, что именно... Она выдерживает растерянный взгляд Бланш, которая в конце концов отводит глаза, и говорит тихо и грустно, с каким-то пронзительным достоинством.

Сестра Констанция. Я вовсе не хотела вас обидеть...

Сцена VII

Келья в лазарете. Мария от Воплощенияу изголовья настоятельницы.

Мать Мария. Она несколько дней как замещает сестру ризничую. Она будет здесь через минуту.

Настоятельница в постели. Во время всей этой сцены ее манеры и жесты будут составлять

странный контраст с испуганно-тревожным, почти безумным выражением ее лица.

Настоятельница. Будьте добры, приподнимите эту подушку.... Как вы думаете, позволит господин Жавлино, чтобы меня усадили в кресло? Мне очень огорчительно показываться моим дочерям распластанной, как утопленница, которую только что вытащили из воды. Ведь голова у меня в полном порядке... О, я вовсе не хочу кого-то обманывать! Но когда так постыдно не хватает мужества, нужно по крайней мере уметь держаться, чтобы не оказаться невежливой с теми, кто из милосердия готов судить тебя по внешнему виду.

Мать Мария. А я полагала, мать моя, что сегодня ночью ваши страхи утихли...

Настоятельница. Это была просто душевная дремота. Благодарение Богу! Я больше не вижу, как умираю. Считается, что «видеть, как умираешь»,— это только так говорится... Нет, мать моя, я действительно вижу, как умираю, и ничто не может отвлечь меня от этого зрелища. Разумеется, меня трогают ваши заботы обо мне, я хотела бы быть их достойной, но мне от них нет никакого облегчения, вы для меня только тени, едва отличные от образов и воспоминаний прошлого. Я одна, мать моя, совершенно одна, без всякого утешения. Ум мой в состоянии порождать

ободряющие мысли, но это тоже лишь призраки мыслей. Они могут поддержать меня не больше, чем может насытить тень окорока на стене.

Молчание.

Скажите мне правду! Если б не эти мерзкие ноги, нечувствительные, неподвижные, мне казалось бы, что опасности нет... Сколько еще дней жизни дает мне господин Жавлино?

Мать Мария от Воплощения опускается на колени у изголовья кровати и бережно прижимает распятие к губам настоятельницы.

Мать Мария. Ваше телосложение из самых сильных, какие он видел. Он боится, что уход ваш будет долгим и трудным. Но Господь...

Настоятельница. Господь и сам стал для меня тенью... Увы! Я больше тридцати лет в монашестве, двенадцать лет настоятельствую. Я размышляла о смерти каждый час моей жизни, и вот теперь все это оказалось ни к чему!..

Долгое молчание.

Кажется, сестра Бланш де Лафорс очень запаздывает.

' Молчание.

После вчерашней беседы она все так же решительно держится того имени, которое избрала?

Мать Мария. Да. Если вам будет благоугодно,

она по-прежнему хочет именоваться сестрой Бланш от Смертной Муки Христовой. Мне кажется, вас очень взволновал этот выбор?

Настоятельница. В былые времена и я сначала сделала такой же. Нашей настоятельницей была тогда госпожа Арну, ей было восемьдесят лет. Она мне сказала: «Взвесьте ваши силы. Кто входит в Гефсиманский сад, больше уже не выходит оттуда. Вы чувствуете в себе достаточно мужества, чтобы оставаться до конца узницей Пресвятой Смертной Муки?»

Долгое молчание.

Это я ввела в нашу обитель сестру Бланш от Смертной Муки Христовой. Это дело меня заботит. Я хочу навести в нем порядок, прежде чем передать свои обязанности другим.

Молчание.

Из всех моих дочерей никто не беспокоит меня больше, чем она. Я думала поручить ее вашему милосердию. Но после всех размышлений и если будет на то воля Божия, я решила, что это станет последним актом моего настоятельства.

Короткое молчание.

Мать Мария...

Мать Мария. Да, преподобная мать моя.

Настоятельница. Исполните долг повинове-

ния. Передаю в ваши руки Бланш де Лафорс. Вы ответите мне за нее перед Богом.

Мать Мария. Да, мать моя.

Настоятельница. Вам понадобится большая твердость суждения и характера, но это именно то, чего ей недостает и чем вы наделены в избытке.

Молчание.

Только как бы и вам тут не пришлось смирять какие-то движения вашей души.

Протестующий жест матери Марии.

О, я знаю, что говорю! Мнение о такой особе, как Бланш де Лафорс, к тому же нашей дальней родне, неизбежно будет подчиняться привычке думать по-мирски. Монашеская жизнь эту привычку может умерить, но не вовсе истребить...

Мать Мария (*поколебавшись, потом со всей прямотой).* Это чистая правда. Вы читаете в моей душе, как всегда. Сейчас, когда на нашу несчастную аристократию и даже на Его Королевское Величество повсюду клевещут, мне стыдно при мысли, что девица знатного происхождения может в каких-то обстоятельствах выказать малодушие.

Настоятельница. Да. Когда гроза разразится над этим домом, без сомнения, другим выпадет на

долю светить общине добродетелями Go высокими, чем наши. Но от нас она вправе ожидать хотя бы пример, стойкости. И все же! С первой нашей встречи, как только она назвала имя которое выбрала, Бланш де Лафорс для меня осенена знаком Пресвятой Смертной Муки. Пусть будет так и для вас! Ах, мать моя, в нынешнем моем унижении мне легче понять, что над бедными дочерьми Кармеля властвуют правила мирской чести, как Ветхий Закон был властен над Господом Иисусом Христом и его апостолами. Мы здесь не для того, чтобы его отменять, напротив, мы должны его превзойти и тем исполнить.

Стук в дверь.

Вот и она. Попросите ее войти.

Сцена VIII

Мать Мария от Воплощения идет к двери, сторонится, чтобы впустить Бланш, и уходит. Бланш опускается на колени у постели.

Настоятельница. Встаньте, дочь моя. Я намеревалась поговорить с вами подольше, но только что я вела беседу, которая очень меня утомила. Не смотрите на меня так, перед вами самое обычное зрелище. Дитя мое, в кармелитском монастыре жизнь и смерть монахини всегда должны отмечаться только небольшим изменением в

распорядке дневных трудов и молитв...

Бланш. О матушка, не покидайте меня!

Молчание.

Настоятельница. Вы пришли к нам последней и поэтому дороже всех моему сердцу. Да, самая любимая из всех моих дочерей, как дитя, рожденное в старости, но и самая хрупкая, самая беззащитная. Чтобы отвести от вас беду, я охотно отдала бы свою бедную жизнь. О, конечно, я бы ее отдала....

Бланш снова падает на колени и рыдает. Настоятельница кладет руку ей на голову.

Теперь я могу отдать только свою смерть, такую бедную смерть...

Молчание.

Бог славится в своих святых, героях и мучениках. Но Он славится также и в своих нищих.

Бланш. Я не боюсь нищеты.

Настоятельница. О, бывает разная нищета, даже самая неприглядная,— вот ее-то вам и придется испить...

Молчание.

Дитя мое, что бы ни случилось, пребывайте в простоте. Почитать наши j умные книжки, так можно подумать, что Господь испытывает святых, как кузнец испытывает железный брусок на

прочность. Но ведь случается и другое — кожевник растягивает в ладонях кусок замши, чтобы проверить ее мягкость. Дочь моя, будьте всегда такой мягкой и послушной вещью в Его руках! Святые не ожесточались против искушений, они не бунтовали против самих себя — бунт всегда от дьявола. И главное, никогда не презирайте себя! Очень трудно презирать себя и не оскорблять при этом Бога в себе. Здесь тоже мы должны с осторожностью подходить к некоторым мыслям святых, не понимать их буквально. Презрение к себе приведет вас прямиком к отчаянию, запомните это предостережение, хотя сегодня смысл его для вас темен. И чтобы все сказать одним словом, которое не срывается больше с наших губ, хотя сердца наши от него не отказались: при любых обстоятельствах думайте, что вашу честь оберегает Господь. Господь взял на себя заботу о ней, в Его руках она сохранится вернее, чем в ваших. Ободритесь духом — отныне и навсегда. Прощайте, с Богом, j благословляю вас. С Богом, милое мое дитя... J

Сцена IX

Бланш выходит. Мать Мария от Воплощения возвращается с врачом

Настоятельница. Господин Жавлино, дайте

мне еще этого лекарства, прошу вас.

Господин Жавлино. Ваше Преподобие этого не перенесет.

Настоятельница. Господин Жавлино, вы ведь знаете, в наших обителях так заведено, чтобы настоятельница прилюдно прощалась с Общиной. Церемонию назначили на сегодня, на десять часов. Это по вашему указанию?

Господин Жавлино. По моему совету, не более того. Но если говорить откровенно, вот уже несколько часов, как мое искусство бессильно что-нибудь сделать для Вашего Преподобия, даже с точностью предугадать кончину.

Мать Мария. Церемонию, о которой говорит Ее Преподобие, нетрудно отложить.

Настоятельница. Да, конечно! До тех пор, когда я уже ни на что не буду годна... Нет, нет, мать моя. Я верю, Господь не покинет меня настолько, не допустит, чтобы я рассталась с моими дочерьми, не попросив у них прощения за такую смерть — столь не похожую на ту, пример которой я должна была им дать. Да, Бог смилуется надо мной... Мать Мария, попытайтесь убедить господина Жавлино. Это снадобье или другое, что угодно. Взгляните, мать моя: разве можно показать это лицо моим дочерям?

Мать Мария. Быть может, такое было у Господа нашего в Геф- симанском саду.

Настоятельница. Тогда хотя бы ученики спали, и Его видели только ангелы.

Мать Мария. Мы не заслужили чести через вашу кончину прикоснуться и приобщиться к тому, что в Пресвятой Смертной Муке было скрыто от глаз людских... О матушка, не беспокойтесь больше о нас! Заботьтесь отныне только о Боге.

Настоятельница. Кто я такая в этот час, я, ничтожная, чтобы заботиться о Нем! Пускай сначала Он позаботится обо мне!

Мать Мария (*почти резко).* Ваше Преподобие бредит.

Голова настоятельницы тяжело падает на подушку. И сразу же слышится хрип.

Закройте поплотнее окно. Наша преподобная матушка не отвечает больше за свои речи, но лучше, чтобы они никого не смущали... В саду в этот час пусто, но наши сестры вполне могут ее услышать из прачечной. *(Молоденькой монахине, которая закрыла окно и возвращается вся дрожа.)* Ну, ну! Сестра Анна, не вздумайте сейчас падать в обморок, как девчонка. Станьте на колени, молитесь. От этого вам будет больше пользы, чем от нюхательной соли.

Пока она говорила, настоятельница приподнялась на постели. Глаза ее неподвижно смотрят в одну точку, и как только она умолкает, нижняя челюсть у нее отваливается.

Настоятельница. Мать Мария от Воплощения! Мать Мария...

Мария от Воплощения вздрагивает.

Мать Мария. Преподобная матушка?

Настоятельница (*низким и хриплым голосом). Я* видела, что часовня наша опустошена и осквернена... О-о-о! Алтарь разбит, священные сосуды валяются на полу, на плитах солома и кровь... О-о! Бог оставил нас! Бог нас отверг!

Мать Мария. Ваше Преподобие не в состоянии сдержать свои речи, но я молю вас не говорить ничего, что могло бы...

Настоятельница. Не говорить ничего... Не говорить ничего... Что за важность мои слова! Я больше не хозяйка ни своему языку, ни своему лицу. Страх прилип к моей коже, как восковая маска... О! Отчего я не могу содрать ее ногтями!

Мать Мария. Ваше Преподобие должны понимать, что это бредовые видения...

Настоятельница. Бредовые! Бредовые! Вы видели когда-нибудь, чтобы бредили мне подобные? Ах, поверьте, у этого тела, что лежит здесь

как куль с песком, хватит сил еще на много дней страданий.

Мать Мария. Не длите больше борьбу с природой.

Настоятельница. Бороться с природой. Разве я всю свою жизнь делала что-нибудь другое, кроме как боролась с природой? Разве я умею делать что-нибудь другое? И вот теперь я в западне. Несчастная! Я в стольких вещах отказывала моему бедному телу, даже в самых невинных удовольствиях. Неужели я теперь впервые уступлю этому измученному животному, которого уже не ощущаю?

Мать Мария. Ах, матушка, кто бы не сжалился над вами!

Настоятельница. Для начала надо бы мне самой сжалиться над собой!

Голова ее снова падает на подушку, и при этом слышится жалобный стон. Мать Мария склоняется над ней; увидев, что глаза ее закрыты, колеблется какую-то минуту, потом быстро подходит к другим сестрам. Пока она негромко говорит с ними, настоятельница медленно поднимает веки, но хрип ее не вовсе стихает.

Мать Мария. Предупредите сестер, что они не увидят сегодня преподобную матушку. В десять

часов — рекреация[8] как обычно.

Глаза настоятельницы блуждают по комнате, хотя лицо ее уже словно сковано смертью. Мать Мария неожиданно оборачивается. Взгляды умирающей и живой скрещиваются. Хрипы настоятельницы понемногу становятся реже, потом вовсе смолкают — явно ценой огромного усилия. Долгое молчание. Потом настоятельница громко говорит.

Настоятельница. Мать Мария от Воплощения, именем Святого Повиновения повелеваю вам...

Сцена X

Декорация внезапно меняется. Бланш только что легла. Колокола звонят отходную. По монастырю разносятся ужасные крики. Это кричит настоятельница, у которой начинается агония. Бланш в испуге выходит из кельи и идет на свет. Сестры стоят на коленях у двери в лазарет. Видно, что настоятельницу поставили на колени в постели и поддерживают в таком положении, но что она говорит, не разобрать. Ее искаженное лицо поворачивается t Бланш; ясно, что она ее увидела, что она ее зовет. И почти в ту же минуту одна

из монахинь подходит к Бланш.

---

[8] Примечания: 8
Перерыв для отдыха между занятиями.

Монахиня. Преподобная мать наша желает, чтобы вы подошли к ее постели.

Бланш стоит на месте словно окаменев. Монахиня почти грубо ее подталкивает. Она идет к постели походкой сомнамбулы. Другой ракурс. Теперь видна Бланш рядом с настоятельницей. Всеобщий беспорядок. Многие монахини говорят одновременно. Мать Мария от Воплощения повторяет: «ЭТО НЕСЛЫХАННО... НЕЛЬЗЯ БЫЛО ПОЗВОЛЯТЬ...» Умирающую настоятельницу все труднее поддерживать в коленопреклоненной позе. Две монахини встают с колен и идут на помощь своим подругам. Губы настоятельницы непрерывно шевелятся. Бланш, смертельно бледная, несколько раз к ней наклоняется, но она, очевидно, так взволнована, что не улавливает смысла, и стоящие поблизости сестры, перебивая друг друга, пытаются повторять ей те слова, которые смогли разобрать. Слышатся их голоса: «ПРОСИТ ПРОЩЕНИЯ... СМЕРТЬ... СТРАХ... СТРАХ СМЕРТИ...» Несмотря на всс усилия, умирающая постепенно валится на постель, и столпившиеся вокруг нее монахини все больше суетятся. Бланш, которой удается наконец превозмочь волнение, произносит с трудом.

Бланш. Преподобная... мать наша... желает...

желает...

Несколько монахинь что-то кричат. Она умолкает, растерянная, не зная, как продолжить, потом говорит — голосом, которому отчаяние придает толику уверенности.

Преподобная мать наша... желала... желала бы... *(Но тут она падает на колени, прячет лицо в складках простыни и рыдает.)*

Сцена XI

Часовня в монастыре. Настоятельница умерла, и тело ее в открытом гробу поместили посередине часовни, у решетки. Ночь. Часовня освещена только шестью свечами вокруг гроба. С каждой стороны — налой. Бланш и Констанция от Святого Дионисия

бодрствуют у тела покойной. Чтение Псалтири. Колеблющееся пламя свечей бросает странный свет на лицо настоятельницы. В какой-то момент Констанция оставляет Бланш одну у тела и идет за теми, кто должен их сменить. Бланш страшно; она убегает. У самой двери она сталкивается с матерью Марией от Воплощения, которая замечает ее испуг.

Мать Мария. Что вы делаете? Разве не ваш черед читать | над гробом? 1

Бланш. Я... Я... Наше время уже истекло, мать

моя. |

Мать Мария. Что это значит? Кто-то уже пришел вам на смену? : Бланш. Я хочу сказать... что сестра Констанция пошла за ними... И я...

Мать Мария. И вы испугались и...

Бланш. Я не думала, что поступлю дурно, если дойду до двери. :

Мать Мария (в *ответ на движение, которое делает Бланш, чтобы вернуться).* Нет, дитя мое, Бога ради! Не возвращайтесь туда, откуда вы ушли... Что не исполнено — то не исполнено, не думайте больше об этом. Как вы взволнованы! Ночь прохладная, я думаю, вы дрожите не столько от страха, сколько от холода. Я сама вас провожу в вашу келью.

Мы видим их у двери кельи.

Мать Мария. А теперь не задерживайтесь мыслями на этом мелком происшествии. Ложитесь, осените себя крестом и засыпайте. Я по всей форме освобождаю вас от всякой другой молитвы. Завтра ваш проступок будет причинять вам больше боли, чем стыда. Вот тогда вы и попросите прощения у Бога, не рискуя прогневить Его еще сильнее.

Бланш опускается на колени, чтобы поцеловать ей руку. Мать Мария от Воплощения отдергивает

руку — может быть, излишне резко — и, затворяя дверь, делает слабый жест, прощальный или благословляющий.

Третья картина

Сцена I

День избрания новой настоятельницы. В монастырском саду Бланш и Констанция кончают выкладывать крест из цветов на расположенной под галереей могиле настоятельницы Круасси.

Сестра Констанция. Сестра Бланш, мне кажется, наш крест уже достаточно высокий и широкий. Могила нашей бедной матушки такая маленькая!

Бланш. Что мы теперь будем делать с теми цветами, что у нас остались? Сестра Жераль не возьмет их в часовню. Часовня кармелиток — не уличный алтарь в праздник Тела Господня, так она говорит.

Сестра Констанция. Что ж, тогда мы сделаем из них букет для новой настоятельницы.

Бланш. Не знаю, любит ли цветы мать Мария от Воплощения.

Сестра Констанция. Господи! Как бы мне этого хотелось!

Бланш. Чтобы она любила цветы?

Сестра Констанция. Нет, сестра Бланш, чтобы ее избрали настоятельницей. Я столько об этом молилась, Бог услышит мои молитвы, я уверена.

Бланш. Вы все верите, что Бог поступит по вашему желанию!

Сестра Констанция. Почему бы нет? Что делать, сестра Бланш, у каждого свое понятие о Боге, споры тут ни к чему. Есть ведь даже такие несчастные, кто в Него не верит, я их жалею всем сердцем, но... Не смею вам сказать...

Бланш. Вы ведь все равно скажете в конце концов, сестра Констанция... Так скажите лучше сейчас.

Сестра Констанция. Да, мне иногда кажется, что вовсе не верить в Бога — и то не так грустно, как верить в Бога-механика, физика и геометра. Пусть астрономы говорят что хотят. Я думаю, что Творение так же похоже на механическое изделие, как настоящая утка издали похожа на Вокансонову утку[9]. Но мир — не механическая игрушка, а Бог — не механик. Он и не школьный учитель с указкой, и не судья с весами в руках. А иначе нам следовало бы думать, что в день Страшного Суда Господь будет советоваться с

---

[9] Примечания: 9

Жак де Вокансон (1709-1782) - французский механик. Среди созданных им игрушек-автоматов - порхающая утка.

теми, кого называют людьми серьезными, уравновешенными, рассудительными. Какая глупая мысль, сестра Бланш! Вы же знаете, что такие люди всегда считали святых безумцами, а святые — истинные друзья и советчики Божии... Так что...

Бланш. Так что?

Сестра Констанция. Так что, по-моему, да простят меня серьезные люди, Господь вполне может устроить избрание матери Марии просто

для того, чтобы порадовать такого жалкого червяка, как я. Конечно, это было бы безрассудно, но ведь Он совершил куда большее безрассудство, когда умер за меня на кресте!

Бланш. Я предпочитаю думать, что мать Марию изберут потому, что она более всех прочих того достойна.

Сестра Констанция. О! Хоть я и молода, но уже хорошо знаю, что блага и невзгоды скорее выпадают по жребию, чем распределяются по логике! Но может быть, то, что мы называем случаем,— это и есть Божия логика? Вспомните смерть нашей дорогой матушки, сестра Бланш! Кто мог подумать, что ей будет так трудно умирать, что она так плохо сумеет умереть! Словно в нужную минуту Господь Бог ошибся смертью, как

в гардеробной дают одну накидку вместо другой. Да, эта смерть предназначалась для другой, она не по росту нашей настоятельнице, смерть эта ей мала, она не могла даже сунуть руки в рукава...

Бланш. Смерть для другой — что это значит, сестра Констанция?

Сестра Констанция. Это значит, что та, другая, когда придет ее смертный час, сама удивится, как легко она войдет в свою смерть, как ей там будет удобно... Может быть, она даже станет хвалиться: «Смотрите, как она мне идет, какие красивые складки у этого платья...»

Молчание.

Люди умирают не каждый за себя, но один за другого, может быть даже один вместо другого,— кто знает?

Молчание.

Бланш (*чуть дрожащим голосом).* Вот наш букет и готов...

Сестра Констанция. А если мы его сделали для матери Марии от Святого Августина?

Бланш. Что за мысль, сестра Констанция!

Сестра Констанция. Конечно, в другие времена никто бы и не подумал о госпоже Лидуан. Но теперь кое-кто из наших сестер говорит, что к матери Марии от Святого Августина муниципа-

литет будет благосклоннее, потому что ее отец торговал скотом в Комоне. Да, похоже, дела все хуже и хуже, сестра Бланш! А госпожа Лидуан считает, что надо идти на уступки.

Сцена II

Вся Община под звон колоколов собирается в зале капитула, чтобы принести обет повиновения новой настоятельнице. Это госпожа Лидуан, мать Мария от Святого Августина. Зала небольшая и сводчатая, как и все общие помещения в монастыре. На стене прекрасное распятие. Под распятием кресло настоятельницы. Вдоль стен скамьи, на которых рассаживаются монахини. Начинается церемония обета. Каждая монахиня преклоняет колена перед настоятельницей и целует ей руку. Новая настоятельница произносит короткую речь. :

Настоятельница. ...Милые мои дочери, я должна вам еще сказать, что мы лишились нашей горячо оплакиваемой матери в ту минуту, когда ее присутствие было нам особенно необходимо. Уже ясно, что прошли те времена процветания и спокойствия, когда мы слишком легко забывали, что нас ничто не страхует от зла, что мы всегда в руке Божией. Что за времена грядут для нас, я не знаю. Я только надеюсь, что Святое Провиде-

ние пошлет нам те добродетели, которые люди богатые и могущественные часто презирают,— добрую волю, терпеливость, дух примирения. Они ; больше всего подходят таким бедным девушкам, как мы. Храбрость ведь бывает разная. Храбрость сильных мира сего не годится для маленьких j людей, с ней они не могли бы выжить. Слуге ни к чему иные добродетели хозяина: они подходят ему не больше, чем тимьян и майоран — нашим домашним кроликам. Кто уверен, что ничем не оскорбил Господа, может многое перенести, чего бы это ни стоило его самолюбию. «Брехливая собака не кусается» — пустые слова, ненужные рассуждения. Мягкостью можно сделать больше, чем силой, и на унцию меда ловится больше мух, чем на кувшин уксуса. Повторяю вам: мы бедные девушки, собравшиеся,

чтобы молиться Богу. Будем же остерегаться всего, что могло бы отвлечь нас от молитвы, будем остерегаться даже мученичества. Молитва — это долг, мученичество — награда. Когда великий король при всем дворе делает знак служанке подойти и сесть с ним рядом на троне как возлюбленной супруге — лучше, чтобы служанка сначала не поверила своим глазам и ушам и продолжала протирать мебель. Прошу прощения,

что говорю по-своему, попросту. Мать Мария от Воплощения, не попробуете ли вы сделать заключение к этой маленькой речи...

Замешательство. Но мать Мария не из тех, кто заставляет просить себя дважды.

Мать Мария. Сестры мои, Ее Преподобие вам сказала, что наш первый долг — это молитва. Но не меньший наш долг — повиновение, и его надо исполнять в том же расположении духа, то есть в полном отрешении от самих себя и от наших собственных суждений. Подчинимся же воле Ее Преподобия, и не только устами, но и сердцем.

Сцена III

Келья настоятельницы. Она получила письмо от монсеньора Риго, главы кармелитского ордена; в этом письме ей рекомендуется допустить послушниц к пострижению.

Мать Мария. Если Вашему Преподобию угодно, и по чистой совести, я бы не одобрила этого пострижения.

Настоятельница. Сестра Бланш — послушница, а монсеньор Риго рекомендует мне допустить послушниц к пострижению. Вот как стоит вопрос.

Мать Мария. Если Ваше Преподобие ставит его так, ответ на него предрешен заранее.

Молчание.

Настоятельница. Вам не кажется, что вы принимаете слишком всерьез невинное ребячество? Не в обиду вам будь сказано, мать Мария, но я всю свою молодость провела среди девушек, которые не считали себя опозоренными из-за того, что боялись привидений и даже мышей и крыс. Это им не мешало становиться потом неутомимыми работницами, отменными хозяйками и госпожами у себя в доме. А в ваших благородных семействах, если девушка немного боязлива, она чувствует себя так, словно у нее бородавка на носу. Похоже, репутация знатной особы — как нежная кожа, которая не выносит загара... Что нам-то за дело до такого жеманства? Мой чепец мне свидетель! Кармель — не рыцарский орден, насколько мне известно!

Мать Мария. Ваше Преподобие, быть может, вы сами не подозреваете, насколько вы правы. Бывает, что щепетильность в вопросах чести превращается просто в пустую безделушку. Но те девушки, о которых вы говорили, хотя и боялись мышей и крыс, были тверды характером, судя по тому, какими они стали позднее. А Бланш де Лафорс как раз твердости характера и недостает.

Настоятельница. Как вы можете так думать

о монахине, которую преподобная мать наша держала за руку, умирая, и которую она препоручила вам?

Мать Мария. Что бы я ни чувствовала к Бланш де Лафорс, это не помешает мне сказать Вашему Преподобию, что в ожидающих нас испытаниях такой недостаток твердости может представлять опасность для Общины.

Молчание.

Настоятельница. Монсеньор желает этого пострижения...

Молчание.

Мать Мария. Не прислушаться к его желанию трудно, я согласна. Но в случае, если Ваше Преподобие примете такое решение, я хотела бы

получить право нынче же начать помогать делу особыми мерами по-

Жест настоятельницы.

Разумеется, я бы всякий раз испрашивала позволения у Вашего Преподобия.

Настоятельница. О! Тут я полагаюсь на вас, мать Мария. Мы кажемся очень разными, пути у нас не всегда одинаковы, но мы всегда отлично понимаем друг друга, благодарение Богу... Опасения ваши справедливы, не спорю. Но если бы я занялась этой маленькой аристократкой, как

теперь принято говорить, я бы сделала из нее настоящую кармелитку, одинаково пригодную и для часовни, и для прачечной, мудрую деву, которая никогда не теряет головы, даже в экстазе. Ведь этого и хотела от нас наша святая основательница, не правда ли?.. Полно! То сравнение, что я сделала,— не такое уж глупое, я знаю своих девочек. Во Франции не так у ж долго надо скрести дочерей больших вельмож, чтобы обнаружить крестьянку, и самая жеманная герцогиня так же здорова телом и душой, как ее коровница...

Мать Мария. Ваше Преподобие, конечно, способны сделать из моей дочери то, что пожелаете; но, боюсь, у вас уже не осталось времени.

Сцена IV

Обряд пострижения Бланш в монахини в монастырской часовне. На сестрах длинные покрывала и белые накидки. Алтарь весь в цветах. Новая настоятельница и мать Мария от Воплощения ведут к решетке Бланш де Лафорс, тоже одетую в белое, с открытым лицом. Она получает имя сестры Бланш от Смертной Муки Христовой.

Сцена V

Монастырская приемная. Представитель муниципалитета и монастырский нотариус объясняют, что они должны приступить к опи-

си имущества Общины, которое переходит в распоряжение Нации. В опись должны войти все земельные владения и приданое сестер. Тон чиновников безукоризненно вежлив; они просят извинить их

за вторжение.

Сцена VI

Рекреация после этого визита и описи.

Настоятельница. Вы понимаете, что означает такой шаг властей. , Я сказала бы, что нам грозит бедность, если бы бедность могла быть для \ нас угрозой. Что вы там говорите потихоньку, сестра Бланш? !

Бланш. Преподобная мать моя, я говорила... я говорила... я говорила: «Тем лучше! Мы будем работать...»

Настоятельница. Если бы вы были на моем месте, доченька моя, вы бы знали, что самое трудное для такого дома, как наш,— это сносить бедность, не нарушая благопристойности. Не наше дело — убеждать зевак, что можно жить без пищи, как осел папаши Матье, который умер в тот самый день, когда собрался это доказать. И чем бы вы занялись, сестра Бланш?

Бланш. Мы могли бы устроить швейную мастерскую, преподобная мать моя...

Настоятельница. Посмотрим сначала, что у нас есть, прежде чем считать будущие доходы. Сестра Матильда, сколько у нас осталось прови-І чии на зиму? Со смерти Ее Преподобия я толком и не заглядывала] в кладовую... і

Сестра Матильда. Преподобная мать моя, у нас мало что! осталось. Морозы стояли до середины марта, а в последнее время перед} смертью преподобная мать наша раздавала не считая. Считать — этого | она не умела. j

Настоятельница. Это я умею. Видите ли, дети мои, до сих пор мы; слишком часто жили так, как живут люди в большом свете, где принято!

швырять деньги на ветер. Что пользы помочь еще двум-трем нищим, если мы разорим наш дом и будущей зимой бедняки найдут здесь лишь запертую дверь?.. Мой чепец мне свидетель! Это точь-в-точь как старина Блез, который срубил яблоню, чтобы достать яблоко... Что ж, сестра Бланш, видно, надо вернуться к вашей швейной мастерской.

Бланш. Это будет так весело!

*Настоятельница.*У сестры Бланш чешутся руки при одной мысли, что она снова прикоснется к батисту и кружевам...

Сестра Матильда. Не в упрек вам будь сказано,

сестра Бланш, это будет полегче, чем пилить дрова, как вот мы с сестрой Анной со среды...

Настоятельница. Ну, ну, дети мои, не так уж вам эта работа противна. Я же слышу, вы все время смеетесь.

Сестра Анна. Потому что нам все кажется, будто мы дома, преподобная матушка. Мы ведь почти что соседки будем, сестра Матильда и я. Она из Кормейля, а я из Блемон-сюр-Уаз.

Сестра Матильда. Чего уж там! Работы мы не боимся.

Настоятельница. Ну-ну, довольно, доченьки мои. Без хвастовства! Бьюсь об заклад, что в ваших краях девушки и повеселиться успевали. Ваш батюшка выкупил почти все земли у своего сеньора, и теперь маркиз де Манервиль много беднее своего фермера...

Сестра Бланш держится чуть поодаль. Одна из монахинь отделяется от остальных, подходит

к ней и восклицает.

Сестра Гертруда. О Боже, преподобная матушка, сестра Бланш как будто плачет!

Она ведет Бланш обратно; Бланш пытается улыбнуться.

Сестра Матильда. Мы пошутили, сестра Бланш. Пилить дрова — это наше дело, нам оно аппетит

нагоняет.

Настоятельница. Вот легкомысленные речи! Кто бы мог подумать, что мирской дух проникает всюду, даже сквозь стены Кармеля!

Сестра Марта. Среди нас нет ни буржуазок, ни аристократок.

Настоятельница. Фи! Добрые намерения и глупый язык!

Сестра Марта. Прошу прощения у Вашего Преподобия. Я только хотела сказать, что мы все — сестры. Разве все люди не должны тоже быть братьями? Разве крещение нас всех не равняет между собой?

Сестра Валентина от Креста. Братья необязательно равны между собой, сестра Марта.

Сестра Марта. Это так.

Сестра Алиса. Но дворяне — не старшие братья нам, сестра Валентина от Креста. Вы знаете старую поговорку: — когда Адам пахал и Ева пряла, где был дворянин?

Сестра Валентина. Позвольте, сестра Алиса! Говорят, наш праотец прожил больше тысячи лет. Могу поспорить, что перед смертью он непременно должен был определить, кто из множества его детей будет пахать землю, а кто, числом поменее, будет ее защищать от разбойников. Так и

родились дворяне.

Сестра Марта. Овцы давали шерсть задолго до того, как люди надумали обучать собак их стеречь, и тут нет ничего обидного ни для овец, ни для собак, ни для пастуха.

Сестра Алиса. Случается, что собака и полакомится овечкой...

Сестра Валентина. Если овцы избавятся от собак, разве будут они вернее защищены от волка?

Сестра Анна. Что ж, это верно, что дворяне воюют. Наш граф потерял троих сыновей на королевской службе, а покойному его отцу угодили из мушкета в поясницу, так его всего скрутило. Теперь мадемуазель осталась в девицах, потому что приданого нет. Уж как жалко смотреть на господина графа, когда он приходит к воскресной мессе в заплатанных штанах.

Сестра Алиса. Держу пари, что от этого он не меньше нос задирает.

Сестра Матильда. Если б он его повесил нынче, не больно бы это было кстати!

Сестра Марта. Что верно, то верно, сестра Матильда, надо быть справедливой. У моего папаши добро кой-какое тоже есть, но он такой же простой крестьянин, как другие. И все равно у него сердце разрывается смотреть, как у нас верх

берут пьяницы да лентяи, которые на всю округу известны. В былые времена их и нанимали-то разве что в самую страду.

Сестра Валентина. Патриоты в одном только Бовуази сожгли девять замков.

Сестра Алиса. Все так, сестра моя. Но подумайте, что великие смуты похожи на мор, чуму или холеру. Тут отовсюду всякий сброд вылезает наружу, как улитки и слизняки при дожде. Но есть ведь и такие патриоты, кто почитает Христа. Говорят, в Вершене они пронесли крест Господень в торжественной процессии.

Сестра Валентина. После того как разграбили церковь и отбили головы статуям святых.

Сестра Алиса. Вершен — всего лишь глухая деревушка, и нельзя судить по тому, что там происходит.

Сестра Гертруда. Это правда, сестра Алиса, Вершен есть Вершен, но Париж есть Париж... А в Париже разве не присутствовал добрый наш король на том славном празднике, когда князь епископ Отенский служил на помосте высотой в двадцать футов? Разве господин наш капеллан не говорил нам тогда, что такого зрелища не видывали со времен римской истории?

Сестра Констанция (*взрываясь*). Да что нам за

дело до греков и римлян? Или наши французы должны брать уроки у кого бы то ни было?

Сестра Гертруда. Как вы вдруг стали воинственны, сестра Констанция... Вы будете работать в мастерской сестры Бланш в шлеме на голове и с мечом на боку?

Сестра Констанция. Смейтесь, смейтесь, сестра Гертруда! Если бы мой пол и мое звание мне позволяли, я бы разделалась как следует с теми людьми, о которых вы говорите...

Сестра Гертруда. Когда вы их увидите поближе, сестричка моя...

Сестра Констанция. Мне до них дела будет не больше, чем рыбе до яблока.

Сестра Гертруда. Вспомните, сестра моя, как был наказан мон- сеньор святой Петр за то, что говорил, как вы.

Сестра Констанция. О, святой Петр... святой Петр... Во-первых, святой Петр не был ни французом, ни... *{Внезапно умолкает.)*

Сестра Гертруда. Ни кем еще?

Сестра Алиса. Говорите прямо, сестра Констанция...

Сестра Марта. Бьюсь об заклад, она собиралась сказать, что святой Петр не был дворянином.

Все смеются.

Сестра Анна. Ну-ка, как вы из этого выпутаетесь, сестра Констанция?

Сестра Марта. Это правда, да или нет?

Сестра Констанция (не в *силах лгать).* Это правда, я так подумала... (*Умоляющим голосом, со слезами на глазах.*) Но я так подумала не из гордости или презрения к кому-то... Я только хотела сказать, что коль святой Петр не был солдатом, он не должен был давать Господу слово солдата... Он был простой рыбак. Если бы он дал слово простого рыбака, он бы его сдержал.

Бланш. Хороший ответ, сестра Констанция!

Сестра Гертруда. А вы, сестра Бланш...

Очень недолгое молчание. Оно длится ровно столько, чтобы понять: в монастыре живет какое-то недоверие к сестре Бланш. Но одна из монахинь тут же говорит, чтобы рассеять

общую неловкость.

Сестра Марта. А вы, сестра Бланш, что вы думаете о патриотах?

Это краткое молчание явно привело Бланш в смятение. Она побледнела, губы ее дрожат.

Бланш. Я... Я... Я думаю, что они не любят религию, сестра моя...

Сестра Марта. Может быть, они ее просто не знают?

Сестра Валентина. О! Вам свойственны большие иллюзии, сестра моя...

Сестра Марта. А вам — маленькие предубеждения, сестра моя...

Настоятельница. Довольно, довольно, дети мои! Стоило на десять минут отпустить поводья, как вы тут же, Бог мне прости, открыли заседание, как эти господа в парламенте. Пусть такой постыдный случай послужит уроком для тех, кто уже считал себя отрешившимся от мира потому только, что молится с охотой. Вы знаете, дети мои, люди думают, что мы совсем не такие, как они. Но с нашим святым уставом и с этой обителью — а они неразлучны, как душа с телом,— дело обстоит так же, как с королевским величием или с роскошными одеждами: они прикрывают иной раз убогость безобразного тела. Чем бы мы были, несчастные, без устава и нашей обидели! Поэтому знайте твердо — я пойду на все, чтобы нас оставили жить здесь, согласно нашему призванию, даже если все вокруг заполыхает огнем. Дух нашего устава требует, прежде чем претерпевать насилие, сделать все возможное, чтобы его обезоружить. Как нет сражения без павших, так нет и мученичества без человекоубийства, и смиренная дочь Кармеля должна понимать:

кроме тех случаев, когда нельзя поступить иначе, не оскорбляя Господа, принимать мученичество, быть может с риском для спасения души своих палачей,— значит, слишком дорого платить за славу для таких жалких служанок, как мы... Впрочем, к чему говорить о мученичестве? Об этом нет речи для нас, и я не хочу, чтобы наши головы распалялись от таких мыслей. Нас могут выбросить на улицу, вот и все. Мы в таком же положении, как те бедняки, что не смогли расплатиться с долгами к Троице и на Михайлов день [10] оказались без гроша в кармане. Так что поумерьте ваше пылкое воображение.

Сцена VII

- Настоятельница вместе с матерью Марией от Воплощения. Звенит колокольчик. Какой-тр шум, приглушенный толстыми стенами. Настоятельница и мать Мария переглядываются. Наконец входит одна из монахинь.

Настоятельница. Что происходит?

Монахиня- Там у калитки человек на лошади. Он хочет видеть преподобную мать настоятельницу.

Настоятельница. У какой калитки?

---

[10] Примечания: 10

День архангела Михаила. Отмечается католической церковью 29 сентября.

Монахиня. У той, что с переулка.

Настоятельница. Кто так старается проскользнуть незаметно, тот не может быть врагом. Взгляните, мать Мария.

Преподобная мать настоятельница встает, губы ее чуть заметно шевелятся. Но лицо ее остается невозмутимым. Мать Мария возвращается через минуту.

Мать Мария. Мать моя, это господин де Лафорс, который желает повидать сестру перед отъездом за границу.

Настоятельница. Пусть предупредят Бланш де Лафорс. Обстоятельства позволяют такое нарушение устава. Я хочу, чтобы вы присутствовали при их беседе.

Мать Мария. Если Ваше Преподобие позволит...

Настоятельница. Вы, мать Мария, и никто другой.

Сцена VIII

Монастырская приемная. Занавеска наполовину отдернута. Бланш с открытым лицом. За занавеской мать Мария от Воплощения; на лице ее густое покрывало.

Шевалье. Почему уже двадцать минут вы держитесь так — глаза в землю, едва отвечаете?

Разве так нужно встречать брата?

Бланш. Богу известно, как я не хотела бы чем-то вас огорчать.

Шевалье. Без лишних слов — наш отец полагает, что здесь вы не в безопасности.

Бланш. Может быть, так и есть, но я чувствую себя в безопасности, и мне этого довольно.

Шевалье. Как отличается ваш тон от прежнего! Теперь в вашем поведении есть что-то принужденное, натянутое.

Бланш. То, что кажется вам натянутостью,— это просто с непривычки и от неловкости. Я еще не приучилась к блаженству жить счастливой и свободной.

Шевалье. Счастливой — может быть, но не свободной. Не в вашей власти одолеть природу.

Бланш. Как, жизнь кармелитки представляется вам согласной с природой?

Шевалье. В нынешние времена немало женщин, вызывавших некогда всеобщую зависть, охотно поменялись бы с вами местами. Я говорю жестоко, Бланш, но у меня перед глазами стоит наш отец, оставшийся один среди слуг.

Бланш (с жестом отчаяния). Вы думаете, меня здесь удерживает страх!

Шевалье. Или страх страха. А такой страх в

конце концов не лучше любого другого. Надо быть готовым к страху, как и к смерти^ в этой готовности и есть настоящее мужество. Может быть, я говорю с вами слишком грубым языком, языком солдата? Бог свидетель, я всегда видел в вас невинную жертву самого жестокого, самого несправедливого жребия...

Бланш (сдавленным голосом). Я здесь отныне— только бедная маленькая жертва Царя Небесного. Господь поступит со мной, как Ему заблагорассудится.

Шевалье. Я хоть и не доктор Сорбонны, но скажу, что так будет и здесь, и в любом другом месте.

Бланш. Нет, брат мой, здесь я более всего чувствую себя в Его воле.

Шевалье. Такая уверенность не освобождает вас от долга повиноваться воле отца.

Бланш. После пострижения я вышла из его воли. Теперь я обязана ему только сердечной любовью и уважением.

Шевалье. Бланш, только что когда я вошел, вы едва не упали в обморок, и мне показалось на секунду, что при свете этой скверной лампы я увидел все наше детство. Может быть, это из-за моей неловкости мы уже почти что фехтуем словами, как шпагами. Неужели моего зайчонка

подменили?

Бланш. Его переменили. О, конечно, не в нежности к вам! Но это правда, что великий день моего пострижения стал словно днем нового рождения.

Шевалье. Если я правильно вас понимаю, это новое рождение освобождает вас от долга перед тем, кому вы обязаны своим первым рождением? О Бланш, довольно пустых словопрений! Подумайте, ведь наших родных и друзей разметало по свету; здесь никто не противится тому, чтобы вы вернулись к вашему отцу. Он может теперь рассчитывать только на вас.

Бланш. Разве у него не остаетесь вы?

Шевалье. Мой долг призывает меня в армию принца.

Бланш. А мой удерживает меня здесь. О! Зачем вы пытаетесь снова влить в меня яд сомнений? Я едва не погибла от него. Это правда, что я стала другой. Это правда, что Бог послал мне ту силу, тот дар Духа Святого, коего я недостойна, пусть так; но он все равно стократ драгоценнее земной храбрости, которой так тщеславятся люди.

Шевалье. Вы больше ничего не боитесь?

Бланш. Я знаю, что вы смеетесь надо мной. Но я и вправду ничего не боюсь. Там, где я обитаю,

меня ничто не достигнет.

Молчание.

Шевалье. Ну что ж, прощайте, дорогая. Она внезапно бросается к нему. При этих словах прощания она, пошатнувшись, хватается обеими руками за решетку. Голос ее меняется, как ни старается она придать ему твердости.

Бланш. О! Не прощайтесь со мной так, не сердитесь! Увы! Вы так долго дарили меня своим состраданием, что вам трудно сменить его на простое уважение, которое вы дарите не раздумывая любому из ваших друзей!

Шевалье. Бланш, теперь вы говорите жестоко.

Бланш. У меня к вам только любрвь и нежность. Но я больше не зайчонок. Я дочь Кармеля, я буду страдать за вас, и.я прошу вас думать обо мне как о боевом товарище. Ведь мы будем сражаться, каждый по-своему, и в моем бою свой риск, свои опасности, как и в вашем.

Она произносит эти слова с крупицей детской важности и неловкости, отчего они звучат еще пронзительней. Шевалье бросает на Бланш долгий прощальный взгляд. Бланш держится за решетку, чтобы не упасть. Мать Мария от Воплощения подходит к ней,

Мать Мария. Успокойтесь, сестра Бланш.

Бланш. О мать моя, я солгала? Разве я не знаю, кто я такая? Увы! Их жалость так меня измучила! Бог мне прости! Эта нежность разрывала мне сердце. Неужели я навсегда останусь для них ребенком? Мать М а р и я. Довольно, пора идти.

Бланш. Я буду наказана за гордыню.

Мать Мария.. Есть только один способ умалить свою гордыню: стать выше ее. Но чтобы достичь смирения, не надо распластываться, как большой кот, лезущий в крысоловку. Подлинное смирение — это прежде всего пристойность, уравновешенность. *(Она нежно поглаживает на ходу чуть сгорбившуюся спину Бланш.)* Держитесь с достоинством.

Сцена IX

К концу свидания появляется капеллан и приглашает шевалье отужинать, прежде чем

пуститься в путь. Он приводит шевалье к себе и сам ему прислуживает за столом.

Капеллан. По правде сказать, господин шевалье, я думаю, что сейчас вашей сестре будет лучше здесь, куда Бог ее поместил.

Шевалье. У нас никогда не было в мыслях ее неволить. Кроме самой нежной привязанности, у меня к ней еще и то чувство, которое должен такой простой человек, как я, питать к существу,

отмеченному судьбой. Она цришла в мир, осыпанная всеми дарами происхождения, богатства, природы. Жизнь была для нее словно наполнена до краев дивным питьем, но оно превращалось в горечь, как только она подносила его к губам.

Капеллан. Полно! Мы сказали об этом все, что нам нужно было сказать. Хлебните-ка Лучше этого винца, оно чисто как золото и прозрачно как слеза. Вот и будет на посошок. Что вы теперь намерены делать?

Шевалье. Отправлюсь в путь до рассвета. Дорога до Вермона небезопасна. Но там у меня есть убежище, где я смогу передохнуть и послать весточку моему отцу.

Капеллан. Господин маркиз, наверно, очень беспокоится о вас?

Шевалье. Это я беспокоюсь о нем. Хоть он и стар, ничто не может поколебать его дух или изменить его привычки. Кажется, люди этого, рожденного для удовольствий, поколения, не отказывая себе ни в чем, научились обходиться без всего. Он смотрит, как события громоздятся друг на друга, будто сломанные деревья в ураган, и верит, что дождется тех времен, когда река вернется в свое русло.

Капеллан. Увы! Боюсь, как бы река прежде не

разрушила берегов. Что вы найдете здесь из того, что отправляетесь защищать, господин шевалье, когда вернетесь?

Шевалье. Ба! Поток смывает только то, что преграждает ему путь. Чего вам здесь рпасаться?

Капеллан. Сын мой, французы всегда сражались между собой только ради чужой выгоды и чужого блага. Но им хотелось верить, что они сражаются за принципы. Поэтому всякая гражданская война оборачивается войной религиозной.

Шевалье. Они злобствуют только против знатного происхождения.

Капеллан. Вздор! Вас они боятся, но ненавидят они нас...

Сцена X

В монастырь явилась комиссия во главе со странным маленьким человечком с фригийским колпаком на голове. Мария от Воплощения его сопровождает.

Комиссар. Что означает эта комедия?

Мать Мария. Монахиня должна просто идти впереди вас и звонить в колокольчик. Таковы правила нашей обители.

Комиссар. Мы не знаем иных правил, кроме Закона. Мы — представители Закона.

Мать Мария. А мы — лишь смиренные слу-

жанки нашего закона. Этим объясняется моя настойчивость. Но коль скоро вы расположены требовать того, в чем вам отказывают, я больше не противлюсь.

Комиссар. Поторапливайтесь!

Мать Мария. Менее всего я хочу вас задерживать. От преподобной матери настоятельницы я получила приказ дать вам осмотреть наш дом.

Комиссар. Мы его осмотрим и без вас.

Мать Мария. Моя рольне в том, чтобы составить вам компанию, а в том, чтобы избавить вас от труда взламывать двери, которые я могу отпереть своими ключами.

Другой комиссар. Не спорь с ней, гражданин, это хитрая бестия, последнее слово всегда будет за ней.

Первый комиссар. Я попрошу тебя, гражданин, придерживаться выражений, соответствующих той миссии, что на нас возложена.

Мать Мария. Если вы действительно надеялись найти здесь золото и оружие, как пишется в ваших листках, разве не достаточно было перерыть вверх дном наши подвалы и чердаки? Зачем теперь ходить по кельям, где вы не увидите ничего, кроме тюфяка и налоя?

Первый комиссар. Возможно, мы увидим там и

юных гражданок, которые заточены здесь своими семействами и имеют право на покровительство Закона. '

Мать Мария отпирает первую келью. Она пуста. Затем другую, дверь которой запирается за ней. Слышатся голоса. Дверь снова открывается. На пороге стоит монахиня. Лицо ее трудно разглядеть сквозь длинное покрывало.

Комиссар. Я требую, чтобы с этим смехотворным маскарадом было покончено. Снимите покрывало.

Монахиня не двигается. Мать Мария мягко приглашает ее откинуть покрывало. Это очень старая монахиня, она никак не соответствует образу юной девушки, заточенной в монастырь семейством. Первый комиссар начинает нервничать.

Комиссар. Гражданка, отдайте ключи. Этот гражданин сам будет отпирать мне кельи. Ваше присутствие явно влияет на этих несчастных.

Карлик открывает дверь в келью Бланш. Как только его гримасничающая физиономия появляется в дверном проеме, Бланш издает душераздирающий крик. Вытянув перед собой руки, она отступает в дальний угол кельи и стоит вжавшись в стену, словно в ожидании казни. Мать Мария остается в коридоре. Лицо ее живо

передает первый порыв, который она не в силах подавить,— чувство негодования и презрения к трусости Бланш. Дверь за комиссарами закрывается. Мать Мария явно заставляет себя не двигаться с места. Дверь снова открывается.

Комиссар. Гражданка, я требую, чтобы вы мне сказали, как давно заключена здесь эта юная особа.

Мать Мария, Я полагаю, сударь, что лучше вам самому спросить ее об этом.

Комиссар. Она как будто разучилась говорить.

Мать Мария. Вам не кажется, что вы напугали ее своим приходом? Вам не кажется, сударь, что в вашем облике и поведении есть от чего прийти в ужас?

Другой комиссар. Гражданин Монстреле, не попадайтесь на удочку. Юная гражданка сама все сейчас объяснит муниципалитету.

Мать Мария. Ордер на обыск не дает вам Никаких прав на личность. Эта девушка выйдет отсюда только по своей доброй воле.

Она входит в келью. На ее лице, внешне очень спокойном, читается какая-то тревога,

смешанная с жалостью.

Мать Мария. Сестра Бланш...

Комиссар. Я запрещаю вам продолжать.

Мать Мария. В вашей власти принудить меня к молчанию, но не вменить мне его в обязанность. Я представляю здесь преподобную мать настоятельницу и вашим приказам не подчиняюсь.

Другой комиссар. Чертова шельма! Рот ей не заткнуть, гражданин, но напомните ей, что у Республики есть машина, которая перерезает глотки. -

Первый комиссар. Хватит! Я снова призываю вас держаться с достоинством, как подобает истинному представителю народа. *(Поворачивается к Бланш.)* Юная гражданка, вам нечего нас бояться, мы — ваши освободители. Скажите одно слово, и над вами будут больше не властны те, кто в стремлении поработить вас не побоялся оскорбить природу, узурпировав само священное имя матери. Знайте, что отныне вы под защитой Закона.

Мать Мария. Она прежде всего под моей защитой. Или вы думаете, что я позволю вам и дальше злоупотреблять страхом ребенка? Я постараюсь не пользоваться языком, который вам непонятен. Что нас собрало здесь и удерживает до самой смерти — этого вы не знаете, а если знали, то, конечно, забыли. Но может быть, есть еще слова, общие для нас с вами и способные проникнуть

вам в душу. Так вот, сударь, знайте, что и в самой смиренной из дочерей Кармеля честь говорит громче, чем страх.

При слове «честь» Бланш поднимает глаза. Ее взгляд бродит от одного лица к другому, как у человека, который едва проснулся. Рыдая, она бросается в объятья матери Марии от

Воплощения.

Сцена XI

Перед залой капитула, дверь в которую охраняют двое солдат. Сестры собрались под галереей; их вызывают в залу поодиночке для допроса. Прежде чем войти, каждая из них опускается на колени перед настоятельницей и испрашивает ее благословения. Когда черед доходит до матери Марии от Воплощения, она преклоняет колена, как и другие, . затем входит внутрь. Первый комиссар небрежно развалился в кресле настоятельницы, другие комиссары стоят. Мать Мария также отвечает стоя.

Комиссар. Пока мы должны довольствоваться заявлением, которое сделала эта гражданка. Но не думайте, что на том дело и кончится. Я дам отчет муниципалитету о том, что видел.

Мать Мария. Отчеты вы должны давать своей совести, сударь. И ради нее я желаю вам поскорее

найти себе другого противника вместо перепуганного насмерть ребенка.

Комиссар. Какого противника? Может быть, вас?

Мать Мария. Я не могу быть противником кому бы то ни было.

Комиссар. Ая вам — противник.

Мать Мария. Едва ли это зависит от вашей воли, потому что ни по долгу, ни по склонности я вас своим противником не признаю.

Комиссар. Я знаю, вашей дерзости не переспорить.

Мать Мария. Мне довольно лишить вас повода к дерзости. Что до остального — вы можете радоваться мысли, что я полностью в вашей власти.

Комиссар. Вы говорите, таким тоном только для того, чтобы снова подчинить себе эту душу, столь же слабую, сколь ваша тверда и непреклонна.

Мать Мария. Это правда. Вы не ошиблись.

Комиссар. Пока существуют такие люди, как вы, патриоты не будут в безопасности. .

Мать Мария. А ведь мы просим всего лишь возможности жить свободно по тем правилам, которые для себя избрали.

Комиссар. Нет свободы для врагов Свободы.

Мать Мария. Наша свобода вам неподвластна.

Комиссар. К чему было брать Бастилию, если Нация терпит существование других бастилий, таких, как эта? Они еще омерзительнее, ибо здесь каждый день приносятся невинные жертвы не деспотизму, а предрассудкам и лжи. Да, здесь тоже Бастилия, и мы уничтожим это логово.

Мать Мария. Не забудьте и нас уничтожить всех до последней. Где есть хоть одна из дочерей Святой Терезы там есть Кармель. Идемте, Бланш.

Бланш уже несколько минут смотрит на нее с каким-то наивным восхищением и беспредельной, детской доверчивостью. Она «ледует за ней как тень.

Сцена XII

Монастырская часовня. Капеллане священническом облачении заканчивает мессу и выходит из алтаря. Он идет к решетке и просит сестёр приблизиться.

Капеллан. Милые дети мои, то, что я должен вам сказать, для некоторых из вас уже не тайна, а остальных не удивит. Мне запрещено исполнять свои обязанности и оставаться здесь. Месса, которую я сейчас отслужил,— последняя. Дарохранительница пуста. Я повторяю сегодня жесты, а может быть, и слова наших первых отцов-христиан, наших отцов во Христе, цри каждом

новом гонении. Вы знаете, что в мирских делах, когда всякая надежда на примирение утрачена, последним прибежищем становится сила. Но наша мудрость не от мира сего. В делах Божиих последнее прибежище — жертвоприношение душ, посвященных Богу. Во все времена Господь неизменно зовет их к себе, но ныне Он словно зовет их по именам. День сей — великий день для Кармеля. Прощайте, благословляю вас. Воспоем вместе хвалу Кресту. *(Уходя, он задувает свечу в алтаре и оставляет дверцу дарохранительницы открытой.)*

Сцена XIII

Приемная. Бланш и капеллан по разные стороны решетки.

Бланш. Как вы будете жить?

Капеллан. Так же, как и сейчас,— изгнанником.

Бланш. Они говорят «вне Закона».

Капеллан. Бедное дитя мое, рыба не может жить вне воды, но христианин отлично может жить вне закона. Что охранял для нас закон? Наше имущество и нашу жизнь: Имущество, от которого мы отказались, жизнь, которая отныне принадлежит одному лишь Богу... Иначе говоря, закон не слишком-то и был нам нужен.

Бланш. Но если верить слухам, они убьют вас, если вас узнают.

Капеллан. Может быть,'они меня и не узнают.

Бланш. Вы переоденетесь?

Капеллан. Да. Такой мы получили приказ. Дорогая сестра Бланш, у вас слишком пылкое воображение. У тех несчастных, что нас преследуют, больше злобы, чем хитрости. Вполне возможно, что я отделаюсь просто какими-то мерами предосторожности, к которым быстро привыкну, и вы тоже.

Бланш. Мы тоже? Вы нас не покидаете?.

Капеллан. Нет, дитя мое. Успокойтесь. Я останусь неподалеку и буду приходить сюда как можно чаще. Это надо будет наладить, и мы обо всем условимся, мать Мария от Воплощения и я.

Молчание.

Бланш. О, что должна подумать обо мне мать Мария? Я вовсе недостойна ее доброты.

Капеллан. Мы всегда недостойны того, что нам дается, дитя мое, ибо все дары — только от Господа. Живите в мире. Я не нарушу тайны, если скажу, что по смерти нашей преподобной настоятельницы милосердие матери Марии осеняет вас

— obumbrabit tibi — как сказано в псалме [11], упование ваше будет под ее крылами — sub pennis ejus sperabis. Я знаю, что мать Мария решилась отвечать за вас перед Богом.

Сцена XIV

Расставцшсь с ним, Бланш бежит кМарии от Воплощения.

Бланш. О мать Мария, это правда, вы действительно решились отвечать за меня перед Богом?

Мать Мария. Как вы можете так говорить? Каждый отвечает за себя, дочь моя. Но это правда, что преподобная мать настоятельница, умирая, поручила вас мне.

Бланш. Я для вас тяжкая ноша.

Мать Мария. И легкая в то же время. Ребенок никогда не бывает тяжкой ношей, но он требует много забот.

Бланш. Мне кажется, я больше не буду вам их доставлять. Мне так спокойно подле вас, матушка!

Мать Мария. Полагайтесь во всем только на Бога, дитя мое.

Сцена XV

---

[11] Примечания: 11

Святая Тереза Авильская (1515—1582) — испанская монахиня и религиозная писательница, реформировавшая орден кармельской Богоматери в женской его части.

В саду. Монахини собирают урожай. Констанция сидит на дереве и ест сливы.

Сестра Матильда. Тревога не отбивает у вас аппетита, сестра Констанция. Но так моя корзинка никогда не наполнится.

Сестра Констанция. Зачем нам такие запасы? Может быть, мы умрем раньше, чем эти сливы испортятся.

Сестра Матильда. А вдруг мы совсем и не умрем? У меня нет большого желания умирать, сестра Констанция!

Сестра Констанция. У меня тоже! Но если мы отдаем на волю Божию нашу жизнь и смерть, к чему заботиться о пропитании? У нас никогда больше не будет такой возможности полакомиться!

Сестра' Матильда. Какой странный способ готовиться к мученичеству!

Сестра Констанция. О простите, сестра Матильда. В часовне, за работой, в час молчания я могу готовиться к этому иначе. А такой способ хорош для рекреации. Может быть, они оба годятся, почему бы нет? И потом, ведь дело мучеников — не есть, а отдавать себя на съедение.

Сцена XVI

Келья настоятельницы. Настоятельница

показывает Марии от Воплощения декрет, запрещающий принесение монашеских обетов.

Настоятельница сидит. Мария от Воплощения читает декрет стоя.

Мать Мария. Нельзя поверить, чтобы правительство поставило себя в такое глупое положение, запрещая обеты!

Настоятельница. Поверим мы или нет, декрет, как видите, составлен достаточно ясно.

Мать Мария. Ваше Преподобие решили ему подчиниться?

Настоятельница. Да.

Мать Мария. Значит, сестра Констанция и сестра Бланш не смогут...

Настоятельница. Именно так.

Молчание.

Мать Мария. Ваше Преподобие подумали о том, что мадемуазель де Лафорс таким образом лишается утешения и поддержки, столь ей необходимых? . . ,

Настоятельница. Я подумала об этом. Я не могу рисковать безопасностью всех моих дочерей ради мадемуазель де Лафорс.

Мать Мария. Быть может, это не ради мадемуазель де Лафорс, но ради последней воли покойной и ради чести нашей Общины.

Настоятельница. Слабость одной из нас— это всего лишь испытание и унижение. Мать Мария, я не хочу произносить ненужных слов, но вы говорите о чести так, словно бы мы не отказались давным-давно от мирской славы. Вы отлично знаете, что дочери Кармеля следуют за Господом своим в стыд и бесчестье Его Страстей.

Мать Мария. Но, разве не должны они сперва разделить одиночество и страх Его последней ночи? Разве не будет ужасным несчастьем для нас всех, если дрогнет как раз та из нас, кто носит имя Пресвятой Смертной Муки? В битве честь нести знамя принадлежит храбрейшим, Мне кажется, будто Господь пожелал отдать наше знамя в руки самой слабой и, быть может, самой несчастной из нас. Не правда ли, это как знамение небес?

Настоятельница. Боюсь, что знамение это дано только вам. Это дочь моя, будете принесены в жертву слабости, и презрение достанется вам.

Мать Мария. Я готова к тому всей душой.

Долгое молчание.

Настоятельница. Вы знаете, мать Мария, подобная церемония не может быть совершена в такой тайне, чтобы в городе, наводненном шпионами, о ней рано или поздно не стало известно. Малейшая нескромность будет стоить

нам головы.

Мать Мария. Что может быть для нас желанней смерти?

Четвертая картина

Сцена I

Зала капитула. В ней торжественно собираются все монахини. Прежде чем объявить декрет, настоятельница вместе с сестрами читает молитву Святой Терезы Авильской:

Я Твоя, и в мире сем я для Тебя.
Что Ты повелишь мне?
Дай мне богатство или нужду,
Дай мне утешение или печаль,
Дай мне веселие или скорбь,
Жизнь сладостную и солнце незатененное;
Ведь я предалась Тебе всей душой,
Что Ты повелишь мне?

Настоятельница. Я должна прочесть вам декрет Учредительного собрания, Запрещающий, впредь до особого распоряжения, приносить монашеские обеты:

«Декрет от 28 октября 1789 года. Учредительное собрание постановляет, что принесение монашеских обетов запрещается во всех монастырях обоего пола, и что настоящий декрет будет выне-

сен на королевское одобрение и разослан по всем трибуналам и всем монастырям».

Такая мера огорчительна для каждой из нас, но особенно жестоко она постигает наших сестер Констанцию и Бланш. Поэтому прежде всего я обращаюсь к вам двоим, милые мои дочери. Я прошу вас великодушно пожертвовать блаженством, которого вы ожидали. Вы в тайне сердца принесете Господу те обеты, что суровый приказ запрещает вам произнести во всеуслышание. Что этот приказ несправедлив — не нам, бедным служанкам, о том судить. Наше призвание отнюдь не в том, чтобы противостоять несправедливости, а в том, чтобы ее искупать, платить за нее выкуп. А поскольку у нас нет больше иного достояния,, кроме собственной жалкой жизни, мы сами и есть этот выкуп. Коль скоро мы не противостоим несправедливости, мы не имеем права и судить ее орудия. И в мыслях наших, и в наших молитвах мы не должны отличать тех, кто нас преследует, от других бедняков. Единственное их отличие — еще большая бедность или, вернее сказать, самая крайняя нищета, какую только можно вообразить. Ведь они лишены благодати Божией до такой степени, что полагают себя Его врагами. Такой бедности не поможешь миской доброго

супа, она нуждается в молитвах, а исконное дело Кармеля — поставлять людям молитвы отменного качества. Вот что должно удерживать нас в границах скромности. Полностью сознавая обязанности, налагаемые моим саном, я должна вам сказать, что не потерплю больше того возбуждения в умах, которое, как бы ни были возвышенны его причины, все же отвлекает нас от исполнения наших скромных обязанностей. Я знаю, в этом больше наивности, чем злонамеренности, но чтобы покончить с такими вздорными мечтаниями, нет ничего лучше, как показать их противоречия, чтобы не сказать — их смешную сторону. Как! Вы собираетесь молиться за грешников, то есть за их обращение и исправление, и в то же время вы хотели бы, чтобы они совершили самый тяжкий грех человекоубийства против тех, кто посвящен Господу? Поговорим начистоту! Кармелитка, желающая мученичества,— столь же плохая кармелитка, сколь плох тот солдат, который стал бы искать смерти, не исполнив приказа своего командира. Но довольно сравнений и аллегорий. По долгом размышлении, воля моя состоит в том, чтобы сия Община продолжала жить так же просто, как в прежние времена. До сих пор монастыри щадили, нет оснований думать, что в

будущем случится иначе. Кроме того, что бы ни произошло, будем всегда рассчитывать только на то мужество, что Господь раздает ото дня ко дню, словно по грошику. Это и есть то мужество, которое нам подобает, которое лучше всего подходит смиренному нашему званию. Но быть может, просить у Него и такого мужества — значит заноситься слишком высоко. Лучше бы смиренно молить Его о том, чтобы страх не искушал нас сверх наших сил, чтобы он лишь смирял нашу гордыню, но не толкал на какие-то греховные поступки. Если смотреть из Гефсиманского сада, где в Пресвятом Сердце Господнем обожествющсь вся скорбь человеческая, то разница между страхом и храбростью кажется несущественной, и то и другое выглядит просто роскошной безделушкой.

Сцена II

Монахини расходятся. Некоторые из них отправляются в сад, и там Бланш подходит

к Марии от Воплощения.

Бланш. Мать Мария, неужели Ее Преподобие в такую минуту лишит нас утешения принести наши обеты тайно? Мы знаем, что если бы это зависело только от вас...

Мать Мария. Мне тоже остается лищь пови-

новаться.

Бланш. Но Ее Преподобие так высоко ценит ваше мнение...

Мать Мария. Мой долг — ценить ее мнение выше своего.

Бланш. Но наше пострижение...

Мать Мария. В тот момент мы были всего лишь под угрозой предстоящего закона. Сегодня мы под ударом закона действующего, и Ее Преподобие совершенно права, что не хочет без необходимости вызывать гцев наших врагов.

Бланш. Вы ли говорите такие слова, мать Мария? Неужто мы дошли до такого несчастья, что единственная наша надежда — проскользнуть незаметно, как заяц в нору?

Сцена III

Слышно, как поют «Карманьолу» под стенами монастыря и комиссары во главе поющей толпы врываются в ограду. Они взламывают дверь. Впереди них идет монахиня с колокольчиком. Они набиваются в ризницу, сваливают церковные облачения и священные сосуды в вертящийся шкафчик, который отломали от стены, и прикрывают все это занавеской с решетки. Они срывают с Царя Славы мантию и корону и бросают Его в угол. Настоятельница присутствует при грабеже,

а Община в это время собралась в зале капитула и молится там во главе с матерью Марией от Воплощения. Все монахини под длинными покрывалами.

Мать Мария. Довольно, дети мои, надо успокоиться. Сейчас не может быть иной молитвы, кроме этой. Пребудем в единении с Господом.

Когда открывается дверь перед настоятельницей, они остаются неподвижны. Только одна голова испуганно оборачивается — это голова Бланш.

Настоятельница. Тихо! Я не позволю, чтобы мой дом походил на растревоженный муравейник.

Молчание.

Из всего того, что омрачает сегодня ваши сердца, сокрушайтесь только о святотатстве и молитесь за тех, кто его совершает. Д похищенное золото и серебро — что за важность! Разве бедность — не первый закон нашего звания? И как бы мы ни были теперь бедны, нам еще далеко до Господа нашего, мы все еще не так бедны, как Он.

Волнение понемногу стихает.

Ну-ну! Не первый же раз грабят церкви и монастыри, во время войн это часто случалось.

Сцена IV

Келья матери Жанны от Младенца Иисуса, очень старой монахини. За окном идет снег. Мать Жанна кончает шить одеяние, очень бедное, для Царя Славы. Бланш помогает ей

одевать статую.

Мать Жанна. Сестричка Бланш, вы знаете, что в рождественскую ночь нашего Младенца Иисуса носят по кельям. Я надеюсь, что Он дарует вам храбрости.

Сцена V

Рождественская ночь. Коридор монастыря, двери всех келий открыты. Настоятельница и Мария от Воплощенияв сопровождении двух сестер с факелами носят Царя Славы из кельи в келью. Каждая монахиня преклоняет колена перед бедно одетой статуей, ставит ее на пол, молится на нее, затем возвращает ее настоятельнице, которая в свою очередь

преклоняет колена.

Сестра Анна. Вот наш Царь Славы и стал снова таким же бедняком, как в Вифлееме.

Когда Младенца Иисуса приносят к Б л а н ш, она вздрагивает и шепчет со слезами на глазах.

Бланш. О! Как Он мал! Как Он слаб!

Мать Мария. Нет! Как Он мал! И как Он могуч!

В ту минуту когда Бланш, стоя на коленях, склоняется к статуе, за стенами монастыря раздаются звуки «Карманьолы». Бланш вздрагивает и роняет Царя Славы; голова его разбивается о плиты пола. В ужасе, ощущая себя преступницей, Бланш восклицает.

Бланш. О! Царь Славы умер. У нас остался только Агнец Божий.

Сцена VI

Келья настоятельницы. Входит Б л а н ш.

Настоятельница. Дочь моя, станем сначала на колени и прочитаем вместе молитву матери нашей Святой Терезы.

Настоятельница произносит каждую фразу молитвы, которую Бланш сразу же повторяет. Настоятельница, потом Бланш.

Я Твоя, и в мире сем я для Тебя.

Что Ты повелишь мне?

Дай мне богатство или нужду,

Дай мне утешение или печаль,

Дай мне веселие или скорбь, жизнь сладостную и солнце незатененное...

Но Бланш меняет конец молитвы.

Настоятельница. Ведь я предалась Тебе всей душой,

Что Ты повелишь мне? Бланш. Дай мне убежи-

ще или смертельный страх, Что Ты повелишь мне?

Настоятельница смотрит на нее, недолго колеблется и наконец делает вид, что ничего не заметила. Они встают с колен. Настоятельница садится в кресло. Молчание, потом;

Настоятельница. Я полагаю, вы знаете, зачем я вас позвала?

Молчание. Бланш, не отвечая, опускает голову.

Разлука будет для матери не менее тяжела, чем для ребенка.

/ Молчание.

Я хотела бы все делать в согласии с вами или хотя бы в согласии с вашей совестью. Я не прошу вас отвечать на то, что я вам скажу; этот ответ вы после дадите Богу, в сосредоточенности молитвы. Дочь моя, ни вы, ни я больше не надеемся, что вам удастся преодолеть ваш смертельный страх...

Молчание.

Без сомнения, в другое время... или позднее... может быть...

Молчание. Бланш смотрит на настоятельницу с отчаянием, взгляд ее почти безумен. Очевидно, что мучительная тревога Бланш передается настоятельнице, хотя лицо ее этого почти не выдает. Но все-таки голос ее немного дрожит, когда

она произносит:

Вы действительно думаете, что мы повредим вам, если отошлем обратно в мир?

Бланш молчит еще какое-то мгновение^ потом делает огромное усилие, чтобы ответить.

Бланш. Я... Это правда, что я уже не надеюсь, одолеть свою природу. • Нет.. Я больше не надеюсь... О мать моя, повсюду в другом месте я буду влачить свой позор, как каторжник тащит за собой пушечное ядро. Этот дом — единственное место на земле, где я могла бы принести его Господу, как калека — свои смердящие язвы. Ведь, может быть, Бог хотел сотворить меня малодушной, как сотворил Он других добрыми или глупыми... *(Она разражается рыданиями.)*

Настоятельница. Успокойтесь. Я еще подумаю обо всем этом.

Бланш опускается на колени и целует руку настоятельнице. Та ее благословляет.

Сцена VII

Тайная служба на Страстную Пятницу в примыкающем к монастырю помещении, где собралась кучка верных. Ночь, м у ж ч и им стоят на страже. Женщины и дети. Бесшумно подходят монахини, бдна из них готовит облачение. Священника еще нет. Снаружи доносятся условные крики...

Появляется капеллан, дети целуют ему руки.

Капеллан. Покидая вас в первый раз, я надеялся видеться с вами часто. Но обстоятельства оказались совсем не таковы, как я предвидел. Могу сказать, что они делают мое служение ото дня ко дню все затруднительнее. Отныне каждая наша встреча будет йроисходить по милости Божией, мы должны всякий раз благодарить Его за нее, как за чудо. Что вы хотите! Во времена не столь мрачные почитание Царя Небесного с легкостью превращается в простой обряд, слишком похожий на те, *что мы* совершаем в честь царей мира сего. Не скажу, что Господь не приемлет таких почестей, ■ хотя духом своим они ближе к Ветхому Завету, чем к Новому. Но случается и так, что они Ему надоедают, простите мне подобное выражение. Господь жил и всегда живет среди нас как бедняк, и всегда наступает час, когда Он решает сделать и нас такими же бедняками, чтобы Его принимали и чествовали бедняки, по-бедняцки, чтобы Он снова обрел то, что столько раз познал на дорогах Галилеи,— гостеприимство нищих, их простой привет. Он пожелал жить среди бедных, Он пожелал и умереть среди них. Ведь не как сеньор во главе своих рыцарей шествовал Он к смерти, то есть к Иерусалиму, месту Его

принесения в жертву, в те зловещие дни перед Пасхой. Он шел среди бедных людей, которые и не думали кому-то бросать вызов, а старались стать поменьше ростом, чтобы их не замечали как можно дольше... Ньще умалимся же и мы, не для того, как они, чтобы избежать смерти, но чтобы претерпеть ее, если придется, как Он сам ее претерпел, ибо поистине Он был, по слову Писания, агнцем для всесожжения. А теперь воспоем хвалу Кресту. *(Священник уходит, пообещав монахиням вернуться на Пасху.)*

Сцена VIII

Утро на Пасху. В монастыре ждут капеллана.

Настоятельница. Это был не господин капеллан?

Мать Мария. Нет, мать моя, и сейчас так поздно, что он, наверно, уже не придет.

Настоятельница. А наблюдает ли кто за переулком? Помните, как уже было однажды — он хотел войти через дверь прачечной, а она была закрыта на задвижку.

Сестра Гертруда. Сестра Антония там на страже с самого рассвета.

Сестра Анна. Говорят, они вчера вечером пришли за нашим булочником, стариком Тибо, и отвели его в муниципалитет.

Сестра Марта. Это его конкурент Серва на него донес.

Настоятельница (сохраняя спокойствие). Знаю, знаю... Но с вечера пятницы господин капеллан переменил убежище.

Сестра Констанция. Возможно ли, чтобы люди в христианской стране позволяли так преследовать священников? Неужели французы стали такими трусами?

Сестра Матильда. Им страшно. Им всем страшно. Они заражают друг друга страхом, как чумой или холерой во время мора.

Сестра Валентина. Какой стыд!

Бланш (словно против воли, бесцветным голосом, похожим на те, что слышатся во сне). Страх, может быть, и есть болезнь.

Легкий ропот, затем наступает молчание. Бланш словно просыпается, оглядывается по сторонам, шца взгляды своих подруг, но те отводят глаза. Впрочем, на лицах их больше замешательства, чем осуждения.

Мать Мария. Страха нет, люди просто воображают, что им страшно. Страх — это дьявольское наваждение.

Бланш (тем же странным голосом). А храбрость?

Мать Мария. Храбрость тоже может быть дьявольским наваждением. Только другим. Каждому из нас случается бороться со своей храбростью или со своим страхом, подобно безумцу, ловящему свою тень. Важно только-одно: чтобы все мы, отважные и малодушные, всегда были там, где угодно Богу, а в остальном полагались на Него. Да, нет другого лекарства от страха, кроме как кинуться очертя голову в волю Божию, как олень, за которым гонятся собаки, кидается в черную и холодную воду.

Сестра Констанция. Но ведь затравленный олень в конце концов оборачивается и начинает отбиваться от собак! Неужели не найдется добрых французов, чтобы стать на защиту наших священников?

Настоятельница. Это нас не касается.

Мать Мария (обращаясь к другим монахиням). Ее Преподобие не имеет в виду, что нам запрещено этого желать.

Сестра Алиса. Зачем мы будем нужны в тот день, когда не станет священников и наш народ лишится Святых Даров?

Настоятельница. Когда недостает священников, появляются в избытке мученики, и так восстанавливается равновесие благодати.

Молчание. Видно, что мать Мария хочет говорить, но еще немного колеблется. Кое-кто из монахинь оборачивается к ней. И вот уже все глядят йа нее, кроме Констанции и Бланш. Бланш так и не поднимает глаз, с выражением мучительной тоски. Констанция пытливо

смотрит на нее.

Мать Мария (внезапно произносит негромко и отчетливо, так, что угадывается сила сдерживаемой страсти). Мне кажется, устами Ее Преподобия глаголет Дух Святой.

Все встрепенулись. Молчание. Лицо настоятельницы по-прежнему невозмутимо, но чувствуется, что она собрала всю свою волю. Повисшая в воздухе напряженность выдает глубину расхождений между этими двумя женщинами.

(Все так же отчетливо.) Я думаю, что нечестивому режиму, притязающему отменить монашеские обеты, царша Община, вся целиком, должна ответить торжественным обетом мученичества.

Общее, хотя и сдержанное, одобрение. Две-три пожилые монахини опускают голову. Бланш медленно поднимает глаза и жадно смотрит на мать Марию от Воплощения.

Чтобы во Франции остались священники, доче-

рям Кармеля больше нечего отдать, кроме своей жизни.

Настоятельница (холодно, после долгого молчания). Вы плохо расслышали меня, мать Мария, или плохо поняли. Не нам решать, появятся или нет со временем наши жалкие имена в требнике. Я не хотела бы уподобиться тем званым, о которых говорится в Евангелии, что они садятся на первое место, хотя может случиться, что Хозяин пира отошлет их на последнее[12].

Почтительное молчание матери Марии. На лицах некоторых молодых монахинь выражается

разочарование и даже досада.

Ну-ну... «Мученичество» — это легко говорится... Но если с нами приключится несчастье...

Мать Мария (словно против воли). Ваше Преподобие не может называть несчастьем:..

Настоятельница. Я придаю этому слову его обычный смысл, я говорю на языке всех людей. Среди великих святых одним смерть была любезна, другим ненавистна, третьи и вовсе от нее бежали. Мой чепец мне свидетель! Если мы станем называть счастьем то, что все люди называют несчастьем, многого ли мы тем добьемся? В

---

[12] Примечания: 12
Евангелие от Луки, 14, 8 - 11.

добром здравии желать смерти — значит питать свою душу призраком пищи, как тот помешанный, что кормится запахом жаркого.

Какое-то время она наблюдает за монахинями, особенно молодыми, глядя на них поверх очков. Все понурили головы. Взгляд и голос настоятельницы удивительно смягчаются.

Я должна была укрепить вас на ногах, дети мои. Вы уже не держались на земле, вы стали такими легкими, что стоило бы ветерку подуть вам в юбки — и вы бы улетели на небо и затерялись в облаках, как воздушный шар господина Пилатра [13]... *А* мне мои дочки нужны! Кем бы я была, без них? Старухой невысокого ума и к тому же пустомелей, как вы только что убедились...

Молчание. Обстановка понемногу разряжается.

Мать Мария, Бог мне свидетель, я говорила не о вас. У меня не будет лучшего повода сказать то, что я думаю: вы в тысячу раз достойнее этого сана, чем я. Но пока он на мне, я буду поступать согласно своему разумению и своей натуре. Ибо я полагаю, что у Провидения были свои причины

---

[13] Примечания: 13

Франсуа Пилатр де Розье (1756—1785) — французский физик и воздухоплаватель, совершивший в 1783 году первый полет на воздушном шаре и погибший при попытке перелететь через Ла-Манш.

поставить во главе общины при столь тяжелых обстоятельствах такую простую и ничем не замечательную монахиню, как я.

Мать Мария. Вашему Преподобию известно, что для меня нет большей радости, чем держаться одних мыслей с вами.

Настоятельница. Если бы вы были на моем месте, для меня тоже было бы большим счастьем принести этот обет мученичества и принести его под вашим крылом...

Мать Мария. Ваше Преподобие можете быть уверены, что Община вся целиком...

Настоятельница. Не может быть «Общины все0 целиком». В Общине всегда есть сильные и слабые, те и другие одинаково необходимы. И, памятуя о тех, кто слаб, я не могу дать вам согласия на то, о чем вы просите.

Две-три монахини невольно бросают взгляд на Бланш и тут же отворачиваются. Голова Бланш незаметно клонится все больше, но сама она как будто этого не сознает. Констанция очень бледна; она негромко произносит несколько слов.

(С нежностью.) Что вы говорите, сестра Констанция? Я охотно дам вам слово. Когда мудрые исчерпали свою мудрость, надо послушать детей.

Сестра Констанция. Ваше Преподобие мне приказывает?

Настоятельница. Да, это приказ.

Сестра Констанция. Я хотела бы попросить прощения у Общины. Я из тех слабых, о которых говорит Ваше Преподобие.

Настоятельница. Вы так в этом уверены?

Сестра Констанция. С позволения Вашего Преподобия...

Во время этого диалога Бланш понемногу поднимает голову. Произнося эти последние слова, сестра Констанция встречается взглядом с Бланш де Лафорс. Констанция запинается на мгновение. Чувствуется, что все сострадание к подруге не может заставить ее солгать; она выходит из положения с помощью двусмысленности, значение которой проясняется из ее первой беседы с Бланш в начале фильма. Она еще побледнела, но

полна решимости.

С позволения Вашего Преподобия. Это правда, я не совсем уверена, что боюсь смерти, но я так люблю жизнь! Разве это не одно и то же? ,

Сестра Анна. Сестра Констанция не думает ни слова из того, что говорит...

Сестра Гертруда. Мы возмущены, сестра Констанция!

Сестра Констанция (не подумав). Что мне за дело... *(Опомнившись, густо краснеет.)* Простите меня, сестра моя. Я имела в виду, что, говоря то, что сказала, я была заранее готова к вашему презрению, вот и все.

Настоятельница. Никто здесь и не думает вас презирать, сестра Конс+анция,, наоборот, вы подаете нам пример. *(Молчание. Потом говорит с понимающей, почти сообщнической улыбкой.)* Но за презрением не стоит гнаться, точно так же как и за мученичеством. Всему свое время.

Сцена IX

Рабочая комната. Несколько монахинь заняты шитьем. Они обсуждают проповедь капеллана.

Сестра Валентина. Никогда не слышала подобной проповеди!

Сестра Алиса. Может быть, это потому, что вы никогда не слышали, как читает проповедь о Страстях священник, которому самому грозит смерть.

Сестра Клара. Смерть... Как трудно представить себе лицом к лицу со смертью Господина Жизни и Смерти.

Сестра Марта. На Масличной горе Христос уже не был господином ни над чем. Никогда скорбь и страх человеческие не поднимались так

высоко, никогда больше они не поднимутся до той ступеньки. Они затопили в нем все, кроме той крайней точки души, где совершалось божественное приятие. [4]

Сестра Клара. Он боялся смерти. Многие мученики смерти не боялись...

Мать Жераль Не только мученики, но и разбойники тоже, сестра Клара. Говорят, Картуш [14] отпускал шутки до самого колесования.

Сестра Сен-Шарль. О, конечно. Ее Преподобие права. Есть героизм мучеников, и есть другой героизм, как есть золото и медь. Золото драгоценно, а медь — нет, но все-таки оба они металлы.

Сестра Клара. Мучеников поддерживал Христос, но Христу не помогал никто, ибо всякая поддержка и милосердие исходят от Него. Ни одно живое существо не вступало в смерть таким одиноким и безоружным.

Сестра Матильда. Самый невинный тоже грешен и смутно чувствует, что поэтому заслуживает смерти. Самый преступный отвечает только за свои преступления, а Он...

Сестра Екатерина. Самый невинный и самый преступный, не совершивший ни одного греха и

---

[14] Примечания: 14

По-французски Лафорс (la force) значит «сила», Лафэблес (la faiblesse) — «слабость».

отвечающий за все, пожираемый Правосудием и Неправдой одновременно, словно двумя разъяренными зверями... . -Сестра Гертруда. О, сестра Екатерина, вы ледените мне душу...

Сестра Екатерина. А вы, сестра Гертруда,— как бы вы провели свою последнюю ночь, будучи приговоренной к смерти?

Сестра Гертруда. Боже мой, я думаю, такая возможность казалась бы мне столь прекрасной, что опасение упустить ее пересилило бы страх смерти.

Сестра Анна. Ая хотела бы взойти на эшафот первой. *Я* поднялась бы к машине очень быстро, не глядя по сторонам, как у себя дома я карабкалась по большой лестнице, чтобы голова не закружилась.

Сестра Гертруда. А вы что сказали бы в эту минуту, сестра Констанция?

Сестра Констанция. Я? Да ничего!

Сестра Гертруда. Как, даже молитву бы не читали?

Сестра Констанция. Не знаю. Мой ангел-хранитель прочтет ее за меня. А с меня будет довольно умереть. *(Бросает искоса быстрый взгляд на Бланш.)* И потом, не стыдно вам вести такие разговоры?

Сестра Гертруда. Какой же тут грех? Лучше проводить время в болтовне, чем в воздыханиях.

Сестра Валентина. А вы, сестра Бланш?

Услышав свое имя, Бланш вздрагивает, словно очнувшись. Кусок ткани и ножницы, лежавшие у нее на коленях, падают на пол. Она их подбирает молча.

Сестра Фелисите. Что с вами, сестра Бланш?

Сестра Клара. Оставьте в покое Бланш де Лафорс. Разве вы не видите, что она задремала?

Сестра Фелисите. Бланш де Лафорс... Не обижайтесь, сестра Бланш, но лучше бы вас звали Бланш де Лафэблес[15]... А все-таки скажите нам, о чем бы вы думали, если 6ы вас посадили в тюрьму?

Бланш тщетно пытается придать своему голосу твердость.

Бланш. В тюрьму... Да, сестра Фелисите, я... я...

Сестра Фелисите. Ну говорите же!

Бланш (тоном маленькой девочки). О Боже... Мне было бы страшно остаться совсем одной, без нашей матушки...

Монахини улыбаются и из милосердия отводят глаза. Сестра Констанция уставилась в пол, но

---

[15] Примечания: 15

По-французски Лафорс (la forse) значит "сила", Кафэблес (la faiblesse) - "слабость".

чувствуется, что она борется с гневом. Внезапно появляется еще одна монахиня.

Сестра Антония. Сестры мои, мать наша желает с вами проститься.

Входит настоятельница, которую орденские власти вызывают в Париж. Она

в светской одежде.

Сцена X

Монастырский сад. Рекреация. Как всегда, атмосфера очень веселая.

Сестра Гертруда. Сегодня рекреация длится дольше чем обычно.

Сестра Екатерина. Вовсе Нет. У нас есть еще добрых двадцать минут, сестра Гертруда.

Сестра Сен-Шарль. С тех пор как уехала Ее Преподобие, мы никогда так не веселились. Что бы она о нас подумала!

Сестра Марта. Разве не сама Ее Преподобие посоветовала нам быть веселыми и беззаботными, пока Бог дает нам такую передышку?

Сестра Анна. Передышку! Так можно говорить о передышке и человеку, которого подвесили за ниточку на сто локтей над Соборной площадью!

Сестра Констанция (смеясь). Но ведь мы, сестра моя, можем упасть только в лоно Божие!

Сестра Анна. О, сестра Койстанция, вот благоче-

стивые речи! Только почему Вы их произносите смеясь?

Сестра Констанция. Потому что мне приятно об этом думать.

Сестра Анна. А когда наша матушка пришла с нами попрощаться, вы ведь тоже смеялись?

Сестра Констанция. Это сестра Алиса толкала меня локтем в живот. Но я и без того бы смеялась. Я смеялась, глядя на нашу матушку в таком чудном наряде.

Сестра Гертруда. И вам было не стыдно?

Сестра Констанция. Отчего мне должно быть стыдно? Мне показалось очень смешно, что злые люди ничего не могут сделать против бедных служанок Господних, только заставить их переодеться, как на карнавале.

Сестра Валентина. Они на этом не остановятся.

Сестра Констанция. А потом? Что они могут сделать такого, чего не делали Нерон или Тиберий? Разве постыдная смерть, которой предали Христа,— не самое невероятное переодевание? Они переодели рабом властелина Творения и пригвоздили Его к кресту, как раба. Земля с преисподней вместе не могли бы пойти дальше такого чудовищного и кощунственного озорства. Бро-

сать людей на съедение зверям или превращать их в горящие факелы — разве это не наводит на мысль о жутком фарсе? Конечно, нас страдание и смерть всегда потрясают, но что могут означать эти гнусные кривлянья в глазах айгелов? Без всякого сомнения, ангелы смеялись бы над ними, если б умели смеяться...

Сестра Гертруда. Сестра Констанция так хорошо защищается...

Сестра Валентина. О сестра Гертруда, вы всегда слушаете ее с разинутым ртом.

Монахини смотрят на сестру Гертруду. Все смеются. Она действительно стоит с разинутым ртом, склонив голову к левому плечу и полузакрыв глаза, словно вся погрузилась в слух. Шум и смех длятся еще немного, потом постепенно стихают. Тишина. Издалека доносится звук колокола. Затем другой, поближе. Еще один. Монахини переглядываются.

Сестра Матильда. Набат!

Сестра Алиса. Пушка!

Сестра Анна. Как пушка? Почему пушка? Это большой колокол с часовни Сен-Максим.

Сестра Алиса. Невозможно, сестра Анна! Звук с другой стороны...

Теперь ясно слышно, что это пушка. Звуки труб.

Топот марширующей толпы. «Са ира»[16]...

Праздничные песни.

Сестра Клара (не подумав). Похоже на праздник Тела Господня, как когда-то...

Сестра Сен-Шарль. О, замолчите! Замолчите!

Силы ее покидают. Слышатся нервные смешки. Теперь трубы заглушают все остальные звуки. Но после каждой их фразы наступает короткий промежуток тишины. В один из таких промежутков раздается колокольчик у ворот.

Сестра Матильда. Звонят в колокольчик!

Сестра Клара. Надо поскорее взглянуть на ворота из прачечной.

Сестра Анна спешит туда. Осторожней, сестра Анна! Снимайте цепочку только в последнюю минуту.

Стремительно входит капеллан. Монахини его окружают. Одна из них поодаль следит за главным входом. Шаги марширующей толпы.

Капеллан. Я оказался между толпой и патрулем. У меня не было другого выхода, как зайти сюда.

Сестра Клара. Оставайтесь с нами, отец мой. Капеллан. Я только подвергну вас опасности. Мне надо уходить. Когда процессия остановится на

---

[16] Примечания: 16

"Дело пойдет" - (франц.) - название и припев популярной революционной песни.

площади перед муниципалитетом, улицы будут свободны.

Сестра Констанция. Неужели нам всегда теперь остается только бежать или прятаться?

Капеллан. Во времена таких великих смут, как нынешняя, опаснее всего быть не преступником, а невинным или заподозренным в невиновности. Невинный вскоре заплатит за всех!

Сестра Екатерина. Ах, отец мой, бегите из этой страны! Капеллан. Я подожду изъявления воли Божией. Оставаясь там, куда Он меня поставил, я могу совершить глупость, но не грех. Сестра Клара. Что станет с Ее Преподобием? Капеллан. Не знаю. Боюсь, что она не сможет вернуться к нам.

Трубы продолжают греметь, но слышно, что трубачи стоят на одном месте.

Сестра Матильда. Кажется, на улице уже никого нет, но как будто другая процессия движется со стороны собора. Верно, сестра Анна?

Сестра Анна. Да, старик садовник сейчас приходил за своим тряпьем. Он говорит, в городе полно пришлых, они сегодня расположатся на ночь на площадях. На всех перекрестках продают вино. Сестра Фелисите. Слышите? Слышите?

Набат, который умолк было на минуту, звучит с новой силой. Теперь доносятся ружейные

выстрелы.

Сестра Валентина. Боже мой! Еще несколько минут назад мы были так спокойны и безмятежны...

Сестра Марта. А ведь уже с утра в городе было очень шумно, сестра Валентина.

Сестра Валентина. Не больше, чем обычно. Вот уже столько дней этот город как помешанный! И вчера они всю ночь плясали на берегу. Нам отсюда было слышно пиликанье скрипок. А потом вдруг выстрелы, как петарды на Иванов день.

Сестра Марта. Верно, со временем уже ни на что не обращаешь внимания...

Сестра Фелисите. Слышите? Вот они снова. Капеллан. Кажется, я упустил момент. Ну, все равно. Сестра Клара. Благословите нас перед уходом. Капеллан. Я хотел бы попрощаться с матерью Марией от Воплощения.

Сестра Анна. После трапезы наша мать Мария от Воплощения удалилась в свою келью, как обычно.

Сестра Клара. Сходите за ней, сестра Сен-Шарль.

Капеллан. Нет! Лучше не терять времени. Что с вами будет, дети мои, если они застанут меня у вас?

Он делает благословляющий жест. Монахини опускаются на колени. Он благословляет их и исчезает. И почти сразу же шум на главной улице усиливается. Кажется, что ее внезапно

заполнила огромная толпа.

Капеллан перелезает через стену в соседний сад. Там есть шалаш, где хранятся садовые орудия. Священник укроется в нем до вечера.

Сцена XI

Шум возрастает до такой степени, что сестрам приходится кричать друг другу в ухо, чтобы что-нибудь услышать. На ворота монастыря сыплются удары.

Испуганные голоса. Не открывайте! Не открывайте!

Первый порыв монахинь — разбежаться по саду. Но лонемногу они, одна за другой, замедляют шаг, словно устыдившись. Наконец они собираются у подножия статуи Пресвятой Девы. Почему — становится понятно, когда в дверях часовни, на невысокой, площадке, вырисовывается силуэт матери Марии от Воплощения. Одна го досок в воротах поддается со зловещим скрипом. Мать Мария от Воплощения знаком подзывает сестру Констанцию, берет из своей связки ключ от ворот и отдает его Констанции.

Мать Мария. Отоприте, дитя мое.

Эти слова скорее угадываются по движению губ. Грохот теперь просто оглушающий. Мать Мария идет вперед не торопясь, ни слишком быстро, ни слишком медленно. Два-три революционера вваливаются через пролом, но им приходится при этом проделывать уморительные кульбиты, и на минуту они останавливаются в замешательстве перед неподвижными монахинями. Мать Мария спокойно берет ключ из рук Констанции и протягивает его одному из них. Ворота отпирают. Толпа врывается в монастырь. Мать Мария не делает ни одного движения, чтобы ее остановить, и тем не менее большая часть толпы возвращается назад. На очень бледном лице сестры Констанции едва заметная улыбка.

Комиссар. Где монахини?

Мать Мария. Они перед нами.

Комиссар. Наш долг — объявить им декрет о выселении. Мать Мария. Это зависит только от вас.

Читают декрет: «Как постановило Законодательное Собрание на своем заседании 17 августа 1792 года: к первому октября нынешнего года все здания, занимаемые до настоящего времени монахинями или монахами, должны быть освобождены вышеназванными монахами и

монахинями и пущены в продажу по требованию властей».

Комиссар. Желаете ли вы заявить какие-либо претензии? Мать Мария. На что мы можем претендовать, если у нас больше нет ничего? Но нам необходимо раздобыть другую одежду, коль скоро вы нам запрещаете носить эту.

Комиссар. Согласен! *(Он заставляет себя зубоскалить, поскольку простота, с какой держится мать Мария, производит на него впечатление.)* Вы так торопитесь скинуть эти хламиды и одеться как все люди?

Мать Мария. Я могла бы вам ответить, что не мундир делает солдата. Но у нас нет мундира. В любой одежде мы всегда останемся служанками.

Комиссар. Народу не нужны служанки.

Мать Мария. Но ему очень нужны мученики, и это та самая служба, которую мы можем взять на себя.

Комиссар. Э, в наши дни умереть — это пустяки.

Мать Мария. Жить — это пустяки, вот что вы хотите сказать. Сейчас только смерть идет в расчет, потому что жизнь обесценилась до смешного, она стоит не больше, чем ваши ассигнации.

Комиссар. Такие слова могли бы вам дорого

обойтись, если б вы их сказали кому-нибудь другому. Вы меня считаете одним из этих кровопийц? Я был ризничим в Шельской церкви, господин викарий — мой молочный брат. Но что поделаешь, с волками жить — по-волчьи выть!

Мать Мария. Простите меня, но я попрошу у вас доказательств вашей доброй воли.

Комиссар. Мне известно, что ваш священник прячется в сушильне.

Мать Мария. Я вам не верю. Комиссар. Он со мной говорил. Мать Мария. Что он вам сказал?

Комиссар. Что он перелез через стену в соседний огород, но там на него напали собаки, и ему пришлось вернуться сюда. Эти подробности вас не убеждают?

Мать Мария. Только наполовину.

Комиссар. Тогда я добавлю, что там прячется еще и молодая монахиня, как она говорит, со вчерашнего утра. Мне показалось, что она умирает со страху.

Мать Мария (уже ничего не скрывая). Благословенно имя Господне! Это, конечно, сестра Бланш. А я не знала, где ее искать... Благодарю вас за эту весть, сударь.

Молчание. Комиссар озирается вокруг.

Комиссар. Я уведу с собой комиссаров и пат-

руль. Здесь останутся до вечера только рабочие. Остерегайтесь кузнеца Бланкара, он воспитывался у бенедиктинцев в Ретифе и говорит как священник. Это доносчик.

Уходит. Комиссары долго совещаются у ворот. Видно, что спор горячий. Наконец они уходят, забрав с собой патруль.

Сцена XII

На экране сначала виден монастырь, разграбленный, но уже свободный от непрошеных гостей. Рабочий, который уходит последним, задерживается на пороге, чтобы допить вино из горлышка, потом швыряет бутылку в стену. Кто-то соорудил подобие двери из сломанных досок,

связав их веревкой.

Сцена XIII

Теперь Община собралась в ризнице. Видны приспособления, позволяющие спускать колокола. Кругом опустошение. Всюду солома, мусор, решетка на хорах наполовину выломана. Одна из монахинь на часах у двери. Горит несколько свечей. Весьма скромная одежда капеллана в пятнах грязи, обувь вымазана глиной, один рукав разорван и свисает с руки, но под ним виднеется очень тонкая и тщательно выглаженная сорочка. Молчание.

Мать Мария. Напутствуйте их, отец мой, они давно уже готовы к решению, которое собираются принять.

Капеллан. Это не совсем укладывается в мои обязанности. Я полагаю, в вынужденное отсутствие Ее Преподобия будет уместнее вам самой обратиться к Общине. Мой непременный долг — всего лишь принять и благословить обет, который вы хотите принести, при условии, что это делается с полным знанием обстоятельств, по здравом размышлении и. свободно.

Лицо матери Марии отнюдь не выражает недовольства таким ответом. Она по-прежнему держится необыкновенно просто и естественно.

Мать Мария. Дети мои, несколько слов для начала. Я знаю, что кое-кто из вас со вчерашнего дня беспокоится о нашей дорогой сестре Бланш. Мадемуазель де Лафорс не покидала нашей обители, и ей да»&...

Сестра Бланш вздрагивает, черты ее выражают сначала радостное изумление, затем сомнение и снова тревогу.

...ей даже выпала честь провести это время при господине капеллане, в обстоятельствах, которые я не имею права открывать, даже если бы считала это нужным; иначе я могла бы повредить одному

нашему другу или, во всяком случае, полезному помощнику. А теперь перейдем к тому, для чего мы собрались. Я предлагаю, чтобы все мы вместе принесли обет мученичества ради сохранения Кармеля и спасения нашего отечества.

Никакого энтузиазма в ответ. Монахини переглядываются между собой.

Я рада видеть, что вы принимаете это предложение столь же хладнокровно, сколь мне внушил Господь хладнокровно его сделать. Речь действительно идет не о том, чтобы отдавать наши бедные жизни, питая слишком большие иллюзии об их ценности. Ибо никогда не была так верна, как сегодня, старая мудрость: как дарить значит больше, чем что дарить. Мы должны принести в дар наши жизни со всей пристойностью. Отдавать их с сожалением и даже с тайной грустью — это не будет нарушением пристойности. Наоборот, мы грубо и тяжко ее нарушим, если будем кружить себе головы громкими словами и красивыми жестами, как солдаты перед атакой пьют вино с примесью пороха.

Мать Жанна. Какие в точности обязательства мы берем на себя этим обетом?

Мать Мария. Разумеется, мы не обязуемся предпринимать какие-то резкие и неосторожные

шаги. Они послужили бы только провокацией и вызовом тем, кто вполне способен выместить свою злость вместо нас на невинных. Но существуют законные способы избегать мученичества, и мы заранее запрещаем себе ими пользоваться, как больной, который отказывается от спасительного лекарства, чтобы его хватило на помощь другим.

Старая мать Жанна Держит краткий совет с теми, кто сидит к ней поближе.

Мать Жанна. Мы полностью принимаем объяснения и уточнения, сделанные Вашим Преподобием. Но мы опасаемся, что они будут неверно поняты более молодыми членами нашей общины. Столь необычные обеты имеют тот недостаток, что они могут внести смятение в умы и даже раздор в души.

Мать Мария слушает молча. Она не торопится с ответом.

Мать Мария. Вот почему я всегда полагала, что решение о таком обете и по существу, и применительно к обстоятельствам должно быть принято единодушно. Если хоть одна из вас будет против, я тут же откажусь от своего предложения.

Сестра Констанция уже несколько минут наблюдает за Бланш де Лафорс, сначала украдкой,

потом явно. Бланш выглядит очень усталой. Зрителю должно быть ясно, что отныне она будет игрушкой обстоятельств и в любом случае не посмеет открыто пойти против

остальных.

Мать Жераль (она глуховата, приходится кричать ей в ухо). В таком деле старшие должны бы говорить за младших и от их имени. Требовать разумности в двадцать лет — увы! Из этого получается обычно больше срама, чем чести.

Мать Мария. Мой замысел был, чтобы мы приняли это решение тайной подачей голосов. К примеру, господин капеллан мог бы выслушать наши ответы, и они были бы защищены тайной исповеди.

Лицо Бланш очевидно светлеет. Сестра Констанция не сводит с нее глаз.

Мать Мария (пожилым монахиням). Вы этим полностью удовлетворены, матери мои?

Мать Жераль просит повторить ей эти слова и отвечает:

Мать Жераль. Во всяком случае, очень успокоены.

Капеллан. Достаточно, если вы будете по очереди проходить за алтарь.

Монахини встают. Среди них выделяется групп-

ка молодых монахинь. Одна из них незаметным кивком указывает на сестру Бланш и говорит тихонько:

Сестра Сен-Шарль. Держу пари, что будет один голос против.

Сестра Констанция стоит совсем рядом. Неясно, слышала ли она. Глаза ее опущены. Одна за другой монахини исчезают за алтарем и почти сразу же появляются снова. Это непременно должно происходить очень быстро. Когда появляется Бланш, на лице ее растерянное выражение, как у человека, который только что принял решение «орлом или решкой». Констанция провожает ее взглядом. Монахини рассаживаются по местам. Капеллан подходит к матери Марии и что-то ей тихо говорит. Мать Мария объявляет, по-прежнему сохраняя

спокойствие.

Мать Мария. Один голос против. Этого достаточно.

Сестра Констанция бледна как смерть.

Сестра Сен-Шарль. Мы знаем чей...

Сестра Констанция. Это мой.

Все ошеломлены. Бланш плачет, закрыв лицо руками.

Господин капеллан знает, что я говорю правду...

Но... Но... Теперь я заявляю, что согласна со всеми вами, и... я... я желаю... я хотела бы, чтобы вы мне позволили принести этот обет...

Молчание.

Молю вас, ради Бога всемилостивого.

Капеллан. Согласен. Присоединитесь к вашим подругам, сестра Констанция. Вы будете подходить сюда по двое. Сестра ризничая, откройте книгу Святых Евангелий и положите ее на налой.

Капеллан торопливо натягивает облачение. Мать Мария передает книгу одной из монахинь, которая начинает громко и монотонно читать отрывок из Мартиролога[17].

Сначала самые юные. Сестра Бланш и сестра Констанция, прошу вас.

Контраст между лицами Бланш и Констанции по-прежнему бросается в глаза. Они опускаются на колени рядом и предлагают свои жизни Богу ради спасения Кармеля и Франции. Нужно, чтобы в это время из города доносился какой-то шум — песни, топот, не важно,— но сильно приглушенный. Голос Бланш звучит очень отчетливо и напряженно, должно быть более или менее ясно,

---

[17] Примечания: 17
Сборник повествований о христианских мучениках.

что силы ее на исходе. Когда она возвращается на свое место в глубине помещения, монахини стараются выстроиться по возрасту, согласно желанию капеллана. Видно, как в этой суете Бланш выходит из часовни и убегает.

Сцена XIV

Монахини в светской одеяние, они покидают обитель с узелками в руках. Тем временем разграбление монастыря продолжается. Посреди всего этого возвращается настоятельница. Сначала она в окружении монахинь, толпящихся вокруг нее. Она спрашивает — неожиданно и без всякой задней мысли.

Настоятельница. Вы все здесь, доченьки мои? Я вас всех вижу?

Смущенные взгляды. Настоятельница не требует ответа. Чувствуется, что сейчас она спешит остаться наедине с матерью Марией от Воплощения. И вот они одни.

Настоятельница. Итак, вы решили принести этот обет? Мать Мария. Я почти не надеялась вновь вас увидеть, по крайней мере в сем мире... Иначе...

Настоятельница. О, я вас не виню! Я только всегда боялась, что вы ошибаетесь, когда величие души влечет рас отвечать на исступление зла

исступлением добра, словно два мощных голоса пытаются перекричать друг друга. Но именно тогда, когда зло делает больше всего шума, мы должны делать его как можно меньше — таковы обыкновение и дух нашего ордена, предназначенного для созерцания. Да, когда власть зла — которая, впрочем, есть не более чем призрак, иллюзия,— заявляет о себе особенно громко, тогда Господь снова становится младенцем в яслях, словно бы для того, чтобы ускользнуть от собственного правосудия, от настояний собственного правосудия и как бы обмануть его. И если все действительно происходило так, как вы мне рассказали, разве не может само нежное младенчество Господне, в лице нашей бедной дочурки Бланш, поплатиться за такое проявление героизма? Надеясь обеспечить свое спасение, не поставили ли мы под угрозу спасение Бланш? О, я только простая и недалекая монахиня. Но я всегда думала, что если сила — это добродетель, то такой добродетели не может хватить на всех, что сильные сильны за счет слабых и что во всеобщем искуплении со слабости будет наконец снято проклятие...

Мать Мария от Воплощения опустила голову. Долгое молчание.

Мать Мария. Как только это станет возможно, я буду просить у Вашего Преподобия разрешения отправиться в Париж на поиски мадемуазель Бланш де Лафорс.

Настоятельница. Я вам в том не откажу.

Молчание.

Хотя мне будет очень тяжело остаться одной в такую минуту.

Мать Мария опускается на колени перед настоятельницей.

Мать Мария. Я прошу у Вашего Преподобия прощения за свою вину. Да позволив мне Господь искупить ее такой ценой, чтобы от нее не пострадал никто, кроме меня.

Настоятельница благословляет и обнимает ее.

Пятая картина

Сцена I

Особняк Лафорсов. Двор пуст. Появляется какой-то человек. Это санкюлот: кокарда, фригийский колпак. Он проходит внутрь; в глубине видна лестница; он останавливается у дверей гостиной и негромко зовет: «Мадемуазель Бланш!» Ответа нет. Слышно, как он поднимается по лестнице.

Комната Бланш. Она слышит, что ее зовут, думает, что это ее отец, открывает дверь и выбегает.

Увидев "чужого человека, она издает такой же крик ужаса, как в начале фильма. Она бросается обратно к себе в комнату и запирается там. Человек пытается ее успокоить, стоя под дверью: «Откройте! Это я, Антуан, ваш кучер. Ваш отец арестован, надо идти его выручать».

Сцена II

Тюрьма Консьержери. Подвальная камера, в которой человек двадцать узников. Беспорядок. По камере бродят люди, у которых нервы напряжены до крайности, но они стараются не показывать этого и быстро берут себя в руки. Окошко выходит во внутренний двор, откуда доносится несмолкаемый шум, иногда усиливающийся настолько, что заглушает разговоры. Голоса, рокот барабанов, шаги, скрип колес. Ничего похожего на дисциплину нынешних лагерей смерти. Время от времени какой-нибудь революционер (или революционерка) садится на корточки у окошка, прижимается лицом к решетке и выкрикивает оскорбления или шутку. Входит т ю р е м щ и к и выкликает узника.

Тюремщик. Бывший граф де Гиш. Узник *(с иронией)*. Маркиз, гражданин! Тюремщик. В моей бумаге сказано граф, а не маркиз.

Несколько человек прерывают разговор и вслу-

шиваются. Остальные продолжают беседу.

Узник. Ты держишь свою бумагу вверх ногами, гражданин! Тюремщик. Ну так что ж! Секретарь в суде мне ее прочел, и пусть я не умею читать, черт побери, но я не глухой.

Маркиз де Гиш протянул было руку, чтобы взять бумагу, но потом пожимает плечами

и говорит:

Маркиз. Пусть так! Ты мне всегда казался честным малым. Положусь на тебя. *(Он подходит к молодой женщине, которая с приходом тюремщика прервала партию в Карты и стоит с храброй улыбкой на губах.)* Милая Элоиза, прошу вас сохранить эти безделушки. Я их завязал в платок и клянусь, тут все, чем я еще владел в этом мире. В мир иной я унесу с собой только вашу доброту, мой ангел.

Молчание.

Мой младший брат хорошо посмеется. Мы с ним семь лет вели тяжбу за жалкую хижину, не стоившую и пяти тысяч ливров, и вот я оставляю ему все... Это потому, правда, что я не дорожил ничем... Прощайте, Элоиза. Я расцеловал бы вам руки, если бы здесь это не было смешно. *(Обращается к узнику с седыми волосами, партнеру молодой женщины по картам, который также*

прекратил игру.) Гонтран, вы дадите за меня экю этому доброму малому и засвидетельствуете мое почтение маркизу де Лафорсу. Я вижу, он задремал и не посмею будить его ради такого пустяка. *(Элоизе.)* Прощайте, душенька моя.

Молодая женщина явно напряглась, но по-прежнему мужественно дарит его улыбкой — до самого конца, пока он не переступает порога. Тем временем седой узник вернулся

на свое место.

Гонтран. Вы сдадите карты?

Элоиза. Нет, сегодня мне не хочется играть.

Гонтран. Как вагАбудет угодно. *(Собирает карты и, зевая, засовывает их в карман.)*

Элоиза по-прежнему стоит очень прямо, опустив глаза, но с гордо поднятой головой. Гонтран подходит к камину, у которого стоит юноша с черными от сажи руками. Снаружи шум усиливается. В камере люди тоже повышают голос. Беспорядочное движение.

Гонтран. Ну, молодой человек, как подвигается ваше дело?

Юноша. Я все подготовил для работы на нынешнюю ночь. Ах, если бы у меня были другие орудия, а не этот скверный напильник, мы бы сегодня вечером выбрались отсюда. Но отколупывать такой

старой железкой по кусочку -— это проклятье...

Гонтран. Проклятье :— тратить столько сил, чтобы не умереть.

Юноша. Нет — чтобы жить. Не стыдно вам всем подставлять голову под топор, и пальцем не шевельнув?

Гонтран. А чего вы надеетесь добиться всерьез? По правде сказать, если бы и был один шанс из ста, что тебя вытащат отсюда за ноги, как барсука из норы,— я бы тысячу раз предпочел телегу смертников!

Юноша. Люди вашего поколения не любят жизни.

Гонтран. Мы играли ею, а вами играет она. Она принадлежала нам, а вы ей принадлежите. Вы не можете от нее оторваться, как от женщины, которая ни разу не разделась перед вами...

Другой тюремщик. Бывший маркиз де Лафорс.

Маркиз просыпается и, взяв понюшку, встает.

Сцена III

Трибунал заседает между двух охраняемых дверей. Допрашивают маркиза.

Один из судей. Тут человек требует этого бывшего от имени своёй секции.

Другой судья. Пусть войдет.

Входит кучер, держа за руку насмерть перепу-

ганную Бланш.

Кучер. Граждане судьи, юная и приятная особа, которая меня сопровождает,—- дочь этого бывшего. Республика вырвала ее из рук священников, которые отняли ее у старика отца, чтобы упрятать навеки в темницу фанатизма и предрассудков... Юная гражданка пришла поблагодарить своих защитников и освободителей.

Трибунал постановляет освободить Бланш и ее отца.

Сцена IV

Особняк Лафорсов. Большая гостиная. Маркиз сидит в кресле. Бланш стоит на коленях рядом с ним, пряча голову в его коленях. Он ее успокаивает. Кучер разыгрывает хозяина дома и потчует своих товарищей, которые провожали маркиза и его дочь.

Сцена V

Компьень. Кармелитки в светском платье предстают перед муниципальными чиновниками.

Один из чиновников. Гражданки, мы оценили вашу законопослушность и ваши патриотические чувства. Но мы предупреждаем, что Нация отныне не сведет с вас глаз. Никакой жизни в Общине, никаких сношений с врагами Республики и непокорными священниками, оплотом папы

и тиранов. Через десять минут вы по очереди будете входить в наше бюро, чтобы получить удостоверения, которые позволяют вам снова наслаждаться радостями свободы, под наблюдением и защитой Закона.

Уходит. Монахини, стоявшие в два ряда, сбиваются в кучку. Настоятельница и мать Мария вдвоем остаются поодаль. Настоятельница знаком подзывает одну из сестер. Это пожилая монахиня, которая в светском платье выглядит как всякая бедная женщина.

Настоятельница. Мать Жераль, надо непременно предупредить священника. Мы условились, что он отслужит сегодня святую мессу. Но теперь я вижу, что это было бы слишком опасно для него и для нас.

Мать Жераль уходит. Молчание.

Вы не согласны, мать Мария?

Мать Мария. Я полагаюсь на Ваше Преподобие во всем, с чем я отныне должна быть согласна или не согласна. Пусть я была не права, поступив так, как я поступила. Но что сделано, то сделано. Как примирить дух нашего обета с такой осторожностью?

Настоятельница. Каждая из вас отчитается в своем обете перед Богом. Но я буду отчитываться

за вас всех. И я достаточно стара, чтобы научиться держать мои счета в порядке.

Сцена VI

Смена декораций. Капеллан возвращается с матерью Жераль. Он подходит к настоятельнице. Оказавшись рядом с ней, он оборачивается и благословляет монахинь,

опустившихся все вместе на колени.

Сцена VII

Снова перемена; декораций. Теперь капеллан в маленькой комнате наедине с настоятельницей и матерью Марией от Воплощения.

Капеллан. Да, маркиз де Лафорс действительно был гильотинирован, мои сведения верны.

Настоятельница. Что мы можем сделать для Бланш? Капеллан. Я хотел бы какое-то время подержать ее в деревне и дать ей набраться сил. Но бедная девочка не в том состоянии, чтобы помогать мне в этой затее. Как говорит моя племянница, сторожа в особняке обращаются с ней как со служанкой и следят за ней день и ночь. Рано или поздно ее постигнет участь ее отца. Нам не удастся спасти ей жизнь, но, моЖет быть, мы убережем ее от постыдной смерти. Надо вернуть ее в Компьень.

Мать Мария. С разрешения Вашего Преподобия

я отправлюсь за ней и привезу ее.

Капеллан. Вот записка к моей племяннице, актрисе Розе Дюкор. Это славная девушка, мы можем на нее положиться. Ей все известно. Если вам удастся привести Бланш к ней, самое трудное будет сделано. Я постараюсь

с вами там встретиться.

Сцена VIII

Особняк Лафорсов. В комнате на втором этаже Бланш сидит на корточках перед очагом и стряпает. Слышно, как внизу открывается дверь, кто-то поднимается по лестнице, стучит в дверь и женский голос зовет Бланш. Бланш на цыпочках подходит к камину, достает с него ключ, пересекает комнату и выходит через дверь, противоположную той, в которую стучат. Пройдя через две-три комнаты, она приоткрывает дверь, позволяющую ей увидеть, кто там, самой оставаясь невидимой. Она узнает мать Марию от Воплощения, широко распахивает дверь, и мать Мария вздрагивает при этом звуке. Они обе входят через ту дверь, в которую стучала мать Мария, в комнату, где была Бланш.

Бланш. Это вы... *(Она смотрит на мать Марию со странным выражением робкой любви и недоверчивости.)*

Мать Мария. Да, я пришла за вами. Пора.

Бланш. Я не могу теперь уйти с вами... Но со временем... Может быть...

Мать Мария. Не со временем, а сейчас же. Через несколько дней будет слишком поздно.

Бланш. Слишком поздно для чего?

Матери Марии не по себе. Видно, что такое начало разговора ее огорчило и озадачило.

Мать Мария. Для вашего спасения. Бланш. Мое спасение...

Молчание.

Вы хотите сказать, что там я буду в безопасности?

Мать Мария. Там для вас меньше риска, чем здесь, Бланш... Бланш. Я не могу вам поверить. В такое время где я могу быть

в большей безопасности, чем здесь? Кому придет в голову меня здесь искать? Смерть бьет только по тем, кто наверху... Но я так устала, мать Мария! *(Она дрожит.)* Ох, мое рагу подгорело! Это из-за вас! *(Бросается на колени перед очагом, поднимает крышку кастрюли.)* Боже! Боже! Что со мной будет?

Мать Мария тоже становится на колени, быстро перекладывает рагу в другую кастрюлю. Потом засыпает огонь золой и ставит туда кастрюлю,

понюхав ее содержимое.

Мать Мария. Не терзайтесь, Бланш, вот беда и поправлена.

Бланш рыдает.

Отчего вы плачете?

Бланш. Оттого что вы такая добрая. Но плакать мне тоже стыдно. Я хочу, чтобы меня оставили в покое, чтобы обо мне никто больше не вспоминал... *(С внезапной яростью.)* В чем меня упрекают? Что я делаю дурного? Я не оскорбляю Бога. Страх не оскорбляет Бога. Я родилась во страхе, я в нем жила и сейчас живу, все презирают страх, значит, это справедливо, что я живу и в презрении тоже. Я уже давно так думаю. Единственный человек, который мог бы помешать мне это сказать, был мой отец. Он умер. Они его гильотинировали несколько дней назад. *(Ломает руки.)* В его собственном доме, недостойная его и его имени,— кем я еще могу быть, кроме как жалкой служанкой? Вчера они меня даже ударили... *(С каким-то вызовом.)* Да, они меня ударили.

Молчание.

Мать Мария. Дочь моя, несчастье не в том, что кто-то тебя презирает, а только в том, что презираешь себя сама.

Снова молчание. Потом твердо, но очень просто и сдержанно мать Мария произносит. Сестра Бланш от Смертной Муки Христовой!

На призыв матери Марии Бланш выпрямляется, словно против воли, и стоит осушив глаза. Бланш. Мать моя?

Мать Мария. Я дам вам адрес. Запомните его хорошенько. Мадемуазель Роза Дюкор, номер два, улица Сен-Дени. Эта особа предупреждена. У нее вы будете в безопасности. Роза Дюкор... Номер два, улица Сен-Дени.

Пауза.

Я буду ждать вас там до завтрашнего вечера. Б л а н ш. Я не приду. Я не могу туда пойти. ,

Мать Мария. Вы придете. Я знаю, что вы придете, сестра моя.

В этот момент Бланш зовут для каких-то поручений. Бланш убегает, оставив мать Марию.

Мать Мария скрывается.

Сцена IX

Б л а н ш на улице. В руке у нее корзинка, из которой свисают листья салата. На улице какое-то оживление. Все ближе смутные звуки. «Са ира». Прохожие начинают разбегаться в разные стороны. Появляется колонна санкюлотов, вооруженных пиками и саблями; у того, кто идет

впереди колонны, на конце пики человеческая голова. Несколько прохожих, и среди них Бланш, успевают только кинуться в какие-то открытые ворота и затворить их за собой. Они оказываются в небольшом дворике. Шум на улице усиливается. Укрывшиеся во дворе прохожие сначала недоверчиво оглядывают друг друга. Тут две старухи, молоденькая девушка, пожилой господин, бедно одетый, но явно из «бывших», и молодой человек, который, осмотревшись, перелезает через стену и исчезает. Оставшиеся понемногу успокаиваются. Бланш держится особняком. Одна из старух начинает разговор.

Старуха. Сдается мне, наши беды еще не кончились. Пожилой господин. Правда, жизнь в Париже становится все труднее!

Вторая старуха. Ох, нигде она не лучше, сударь. Первая старуха. А то так и хуже. Я вот из Нантера..; Втора^ старуха. Ая из Компьеня.

Бланш вздрагивает. Чувствуется, что она пытается побороть страх. Она говорит изменившимся голосом.

Бланш. Вы приехали из Компьеня?

Вторая старуха. Да, красавица моя. Я вчера приехала, телегу овощей привезла. У нас там дюжины две пакостников. Они все друг друга боятся

и для куражу такой шум поднимают, словно их шрсть сотен наберется. Позавчера они арестовали сестер кармелиток. *(Смотрит на Бланш, которая изменилась в лиф, и говорит.)* У вас там что, родственницы есть?

Бланш. О нет; сударыня. Я вовсе никогда не бывала в Компьене. Я только неделя, как приехала в Париж с хозяевами из Рош-сюр-Ион. *(Она старается скрыть охватившую ее нервную дрожь. Черты ее выражают ужас и нечто похожее на отчаянную решимость. Собрав все свое мужество, она выскальзывает на улицу.)*

Пожилой господин сел на скамейку и разминает в пальцах табак. Две старухи переглядываются, качая головой.

Старуха. Чудная эта служанка, скажу я вам.

Сцена X

Бланш прибегает к Розе Дюкор. Она запыхалась и вне себя от волнения. Она бросается на стул и, обхватив голову руками, повторяет.

Бланш. Их надо спасти! Нельзя, чтобы их убили! Их надо спасти во что бы то ни стало! Боже! Боже! Нельзя, чтобы их убили!

Роза Дюкор и мать Мария хлопочут вокруг нее.

Мать Мария. Что вы хотите сказать?

Бланш (прерывающимся голосом, в котором,

однако, уже слышатся бунт и негодование.) Я пошла за покупками на рынок... Как каждое утро... и вдруг... вдруг одна женщина мне сказала... Мать Мария. Наши сестры в тюрьме? Бланш. Да.

Мать Мария (с глубоким чувством). Благодарение Богу!

Молчание. Губы матери Марии шевелятся. Можно догадаться, что она молится. Бланш по-прежнему прячет голову в ладони. Но когда мать Мария сказала «Благодарение Богу», она явно встрепенулась. Мать Мария трогает ее за плечо.

Сестра Бланш, мы должны ехать в Компьень.

Бланш поднимает голову.

Бланш. Это правда... О мать Мария, если есть хоть какое-то средство их спасти, мне кажется, на сей раз у меня хватит храбрости.

Мать Мария. Речь не о том, чтобы их спасти, но чтобы исполнить вместе с ними, обет, который мы добровольно принесли совсем недавно.

Бланш. Как! Мы дадим им умереть, ничего не попытавшись для них сделать?

Мать Мария. Дитя мое, важно не дать им умереть без нас. Б л а н ш. Да чтобы умереть, они без нас обойдутся! Мат ь М а р и я. От дочери ли Кармеля я это слышу? Бланш. Умереть, умереть, у вас одно это слово на языке! Неужели вам- всем

никогда не надоест убивать или умирать? Неужели вы никогда не напьетесь вдоволь чужой крови или своей собственной?

Мать Мария. Мерзостно только преступление, дочь моя, а принесенные в жертву невинные жизни эту мерзость смывают, и само преступление вновь заключается в круг божественного милосердия...

Бланш топает ногой. Бланш. Я не хочу, чтобы они умерли! Я не хочу умирать!

Она убегает, и мать Мария не успевает ее удержать. В дверях Бланш сталкивается с к а п е л - л а н о м, который издает радостное восклицание.

Капеллан. Дорогая сестра Бланш, это вы! Слава Богу!

Но Бланш, совершенно вне себя, кидает на него полубезумный взгляд, отталкивает его

и исчезает.

Сцена XI

Капеллан. Что случилось с сестрой Бланш? Мать Мария. Вы видели ее?

Капеллан. Она мне показалась необыкновенно взволнованной. Убежала, не сказав мне ни слова.

Мать Мария улыбается.

Мать Мария. Она пока еще бунтует, как ре-

бенок. Но какое это имеет значение! Отныне ей некуда деться от нежной жалости Иисуса Христа.

Пауза.

Итак, я отправляюсь в Компьень одна.

Священник молчит.

Вы осуждаете меня?

Капеллан. Отнюдь нет. Я просто думаю, что следовало бы подождать и разузнать получше, что там происходит. Да, ваши сестры в тюрьме. Но это вовсе не значит, что их приговорили. Не отягчите ли вы их положение своим вмешательством?

Мать Мария. Если мы всегда будем поступать столь осмотрительно, отец мой, то еще немного— и что останется от нашего обета мученичества?

Капеллан. Мать моя, вы принесли этот обет в духе повиновения, и в духе повиновения вы должны его исполнить. Напишите вашей настоятельнице и спросите у нее, что вам следует делать.

Сцена XII

Тюрьма. Утро. Еще темно. Кое-кто из сестер сидит, прислонившись к стене. Младенца Иисуса поставили на колченогий стол. В изломанных яслях несколько увядших цветков. Стол покрыт небольшой белой косынкой. Единственная

скверная свеча наполовину догорела. Монахини подходят в темноте по двое или по трое и опускаются на колени перед статуей. Слышатся вздохи, а может быть, это подавленные рыдания. Многие сестры кашляют. Холодный и тревожный рассвет. Чуть поодаль, в углу, справа от стола, настоятельница распростерлась в молитве. Сестра Констанция преклоняет колена перед Младенцем Иисусом и, вставая,

вскрикивает от боли.

Сестра Валентина. Что с вами, сестра Констанция? Сестра Констанция. Я спала у окошка, и теперь мне головы не повернуть. Бедная моя шейка... *(Смеясь, она потирает себе шею обеими руками.)*

Сестра Сен-Шарль (отшатываясь). О сестра Констанция! Сестра Алиса. Если ваши нервы в порядке, зачем щекотать чужие?

Сестра Констанция вдруг понимает, в чем дело, и вздрагивает в свой черед...

Сестра Констанция. О Боже, я... я...

Мать Марта *(чтобы положить этому конец, чуть повысив голос).* А я совсем не спала. *(Тише.)* Щша бедная старенькая мать Жераль всю ночь храпела.

Сестра Гертруда. Это ее катар. Я-то хорошо

знаю. Моя келья была рядом с ее.

Сестра Марта плачет.

Сестра Фелисите. Почему вы плачете, сестра Марта?

Сестра Сен-Шарль (нервы у нее напряжены). Почему? Почему?.. А почему вы сказали «моя келья была»? Зачем говорить о нашем милом доме так, словно мы никогда туда не вернемся?

Настоятельница негромко хлопает в ладоши, монахини собираются вокруг нее. Едва светает.

Настоятельница. Дети мои, вот и прошла наша первая ночь в темнице. Это была самая трудная ночь, но мы все-таки ее пережили. К следующей ночи мы уже совсем свыкнемся с нашим новым положением. Впрочем, оно для нас не ново; это, в конце концов, только перемена декораций. Никто не может лишить нас свободы, от которой мы давно отреклись.

Сестра Клара. Она принадлежит Богу, но за Вашим Преподобием остается право пользования, которое мы вам свободно и добровольно вручили.

Настоятельница. Что вы хотите сказать, сестра Клара?

Сестра Клара. Я хочу сказать, что- даже отрекшись от своей свободы, Ваше Преподобие

сохраняет обязанность распоряжаться нашей и что, следовательно, вы не можете переложить целиком на Бога заботу о нашей судьбе.

Другие пожилые монахини. Это правда... Правда...

Ропот среди молодых монахинь.

Сестра Клара. Доченьки мои, в вашем возрасте повиновение, возможно, еще кажется мягкой подушкой, на которую надо только опустить голову. Но мы-то знаем, что повиновение, сколь ни кажется оно отличным от повелевания,— это тоже труд. Да, да, доченьки мои, уметь повиноваться так же трудно, как уметь повелевать. Повиноваться — не значит бездумно плестись следом, как слепой идет за своей собакой. Такая старая монахиня, как я, только и желает, что умереть в повиновении, но в повиновении сознательном и деятельном. Мы ничем не владеем в мире сем. Разумеется. Но тем не менее наша смерть — это наша смерть, никто не может умереть вместо меня.

Сестра Сен-Шарль (она больше не может сдерживаться)- Неужели мы должны вечно слушать разговоры о смерти? За что нам умирать? Ведь мы невинны!

Сестра Констанция. Замолчите, сестра Сен-

Шарль...

Сестра Матильда. Мы ведь даже не уверены, что нас приносят в жертву из ненависти к вере. Может быть, мы платим за чужие грехи?

Сестра Сен-Шарль. Она права. Что нам до всей этой политики?

Настоятельница. Довольно, дети мои! Дайте мне сначала ответить сестре Кларе. Я знаю, что должна заботиться обо всех вас до конца, дочь моя, и вовсе не думаю от этого уклоняться.

Сестра Клара. Намерены ли Ваше Преподобие говорить одни от нашего имени перед трибуналом? А если нет, как далеко мы можем идти, не нарушая принесенного нами обета?

Сестра Анна. Да получим, ли мы право защищаться? Или нас приговорят не выслушав?

Сестра Валентина. Разве это будет не позор для нас — спорить за наши жалкие жизни с убийцами священников и осквернителями храмов?

Настоятельница (немного повышая голос). Оправдываться не стыдно, даже перед нечестивыми судьями. Оправдываясь, невинный больше защищает истину, чем себя...

Она замолкает на минуту. Тишина. Видно, что она молится.

Дети мои, вы принесли этот обет мученичества

в мое отсутствие. Нужно было это делать или нет, но Бог не допустит, чтобы такое великодушное деяние послужило теперь единственно к смущению ваших душ. Что ж, я соглашаюсь с этим обетом, отныне я отвечаю за него перед Царем Небесным, я остаюсь и впредь, что бы ни случилось, единственным судьей в его исполнении. Да, я беру на себя ответственность за него, а вам оставляю его заслугу, поскольку я сама его не произнесла. Поэтому отбросьте всякую заботу о нем, дети мои. Я всегда отвечала за вас в этом мире, и я не расположена сегодня слагать с себя какие бы то ни было обязательства. Не тревожьтесь! Я сделаю все, что могу, чтобы спасти ваши жизни и ваши души, и в эту минуту, когда я чувствую себя больше, чем прежде, вашей матерью, ваши жизни и ваши души для меня почти одинаково драгоценны. Если я не права, Бог мне простит. В конце концов матери святых нечасто попадают в святцы.

Одна из молодых монахинь, закрывавшая лицо руками, подходит к настоятельнице и опускается на колени, чтобы поцеловать руку Ее Преподобия. Видно, как слезы еще струятся по ее лицу, на котором теперь выражение наивной, детской доверчивости.

Сестра Гертруда. С Вашим Преподобием нам теперь ничего не будет страшно.

Подходят и другие сестры. Одна из пожилых монахинь говорит.

Мать Жанна. Благословите нас, Ваше Преподобие.

Все они опускаются на колени. Затем разговоры возобновляются, но совсем в другом тоне.

Оживление почти радостное.

Сестра Констанция. А что стало с сестрой Бланш?

Настоятельница (она услышала). Мне об этом известно не больше, чем вам, доченька моя.

Сестра Констанция. Она вернется.

Сестра Сен-Шарль. Почему вы так в этом уверены, сестра Констанция?

Сестра Констанция. Потому что... *(Запинается в растерянности.)* Потому что... *(Заканчивает смущенно, но не в силах изменить то, что сказала.)* Я видела сон.

Все смеются.

Сестра Фелисите. Преподобная матушка, вы полагаете, нас будут судить сегодня?

Настоятельница. Не знаю.

Сестра Сен-Шарль (очень наивно). А нас будут допрашивать одну за другой? Это будет долго?

Сестра Алиса. А если... если нас... нам позволят исповедаться?

Сестра Констанция, указав на молодую монахиню, которая побледнела и закрыла лицо

руками, прижимает палец к губам.

Сестра Сен-Шарль (пожимая плечами). Что ж! Мы ведь не плаксы девчонки! Боже! Если бы господин капеллан просто встретился нам на дороге — большего я бы и не просила.

Настоятельница. Ну, ну, дети мои, довольно фантазий, для них вовсе нет повода... я думаю, что по крайней мере самые молодые из вас выйдут отсюда невредимыми. Если эти люди не чудовища и если они хоть что-то знаЮт о нашем святом уставе, кого они могут в чем-то обвинять, кроме меня?

Несколько голосов. Ничто больше не разлучит нас с Вашим Преподобием!

Сестра Клара. Видит Бог, я не хотела бы поменяться судьбой с нашей матерью Марией от Воплощения или с нашей сестрой Бланш.

Мать Жераль. Увы! Их, наверно, тоже арестовали...

Сестра Клара. Несомненно... Как мы смеем жаловаться, когда мы здесь все вместе!.. Как они должны нам завидовать! Насколько несчастнее

нас они себя ощущают!

Сцена XIII

Трибунал выносит смер.тный приговор шестнадцати кармелиткам (включая мать Марию от ' Воплощения, осужденную заочно) «за устройство контрреволюционных сборищ, поддержание переписки с фанатиками и хранение противных духу свободы, сочинений»,

Сцена XIV

Монахини собрались во внутреннем дворике. Настоятельница обращается к ним.

Настоятельница. Дети мои, я всем сердцем желала вас спасти... Да, я хотела бы, чтобы чаша сия вас миновала, ибо я с первого же дня любила вас как родная мать, а какая мать по доброй воле отдаст своих детей в жертву даже Царю Небесному? Если я плохо поступала, Бог мне судья. Я такая, какая есть, вы — мое добро, а я не из тех, кто бросается своим добром. Но все это уже не важно, дети мои. Вот и пришел конец, нам остается только умереть. Благословенно имя Господне! Казнь, на которую мы пойдем вместе, Он превратил словно в последнюю службу в нашей милой обители. Дети мои, настал час напомнить вам о вашем обете. До сей минуты я хотела одна за него отвечать. Но теперь я могу взять из него лишь

причитающуюся мне долю, да и ее я смиренно прошу именем нашей замечательной матери Марии, от Воплощения, ибо это ее доля достается мне, недостойной. Дети мои, торжественно призываю вас к повиновению, в последний раз и навсегда, и да пребудет с вами мое материнское благословение.

Сцена XV

Актриса Дюхор приходит к себе домой, достает из-под плаща статую Младенца Иисуса и ставит ее на стол. Мать Мария от Воплощения преклоняет перед ней колена

и молится.

Сцена XVI

У Розы Дюкор. Входит капеллан, потрясенный до глубины души. .

Капеллан. Их приговорили к смерти.

Мать Мария. Всех?

Капеллан. Всех!

Мать Мария. Боже! *(Молчание.)* И...

Капеллан. Это будет скорее всего сегодня или завтра... Что вы делаете, мать моя?

Мать Мария. Я не допущу, чтобы они умерли без меня!

Капеллан. Что значит ваша воля в таком деле? Бог сам выбирает и отвергает, кого Ему угодно.

Мать Мария. Я принесла обет мученичества...

Капеллан. Вы дали его Богу, перед Богом вы и отвечаете за него, а не перед вашими подругами. Видно, Богу угодно вас от него отрешить, Он берет только то, что Ему принадлежит.

Мать Мария. Я обесчещена!

Капеллан. Я ждал этого слова! О, я его не осуждаю. Это предсмертный крик вашего естества. Вот та кровь, да, вот та кровь, которой Бог требует от вас и которую вы должны пролить! Вы бы с радостью отдали ту, что течет в ваших жилах, вы бы пролили ее как воду. Но с каждой каплей этой крови у вас отнимается больше, чем жизнь!

Мать Мария от Воплощения стоит с видом человека, собравшего последние силы, чтобы вытерпеть невыносимую пытку.

Мать Мария. Их последний взгляд будет искать меня напрасно.

Капеллан. Думайте только о другом взгляде, о том, от которого вы не должны отводить глаз.

Сцена XVII

Площадь Революции. Кармелитки сходят с телеги у подножия эшафота. В первом ряду густой толпы можно-разглядеть капеллана во фригийском колпаке. Он шепчет отпущение грехов, неприметно сотворяет крестное знамение и ис-

чезает. И сразу же сестры запевают Salve Regina, затем Veni Creator[18] Они поют чистыми и очень твердыми голосами. Пораженная толпа смолкает. Видно только основание эшафота, на который сестры поднимаются одна за другой. Они продолжают петь, но, по мере того как они исчезают, хор становится все малочисленнее. Вот уже только два голоса, только один. Но в эту минуту с другого конца площади доносится новый голос, еще более чистый, более решительный, чем другие, хотя звучит он немного по-детски. И становится видно, что к эшафоту сквозь расступающуюся в изумлении толпу идет юная Бланш де Лафорс. На ее лице никаких следов страха.

Deo Pdtri sit gloria
Et Filio qui a mortuis
Surrexit ac Paraclito
In saeculorum saecula [19]

Внезапное движение в толпе. Кучка женщин окружает Бланш и подталкивает ее к эшафоту. Она скрывается из виду. И вдруг ее голос смолка-

---

[18] Примечания: 18
"Славься, Царица Небесная" и "Гряди, Дух Животворящий" - католические песнопения.

[19] Примечания: 19
Богу Отцу слава
И Сыну, из мертвых Воскресшему, и Духу Святому Во веки веков *(лат.).* ,

ет, как смолкли один за другим голоса ее сестер.